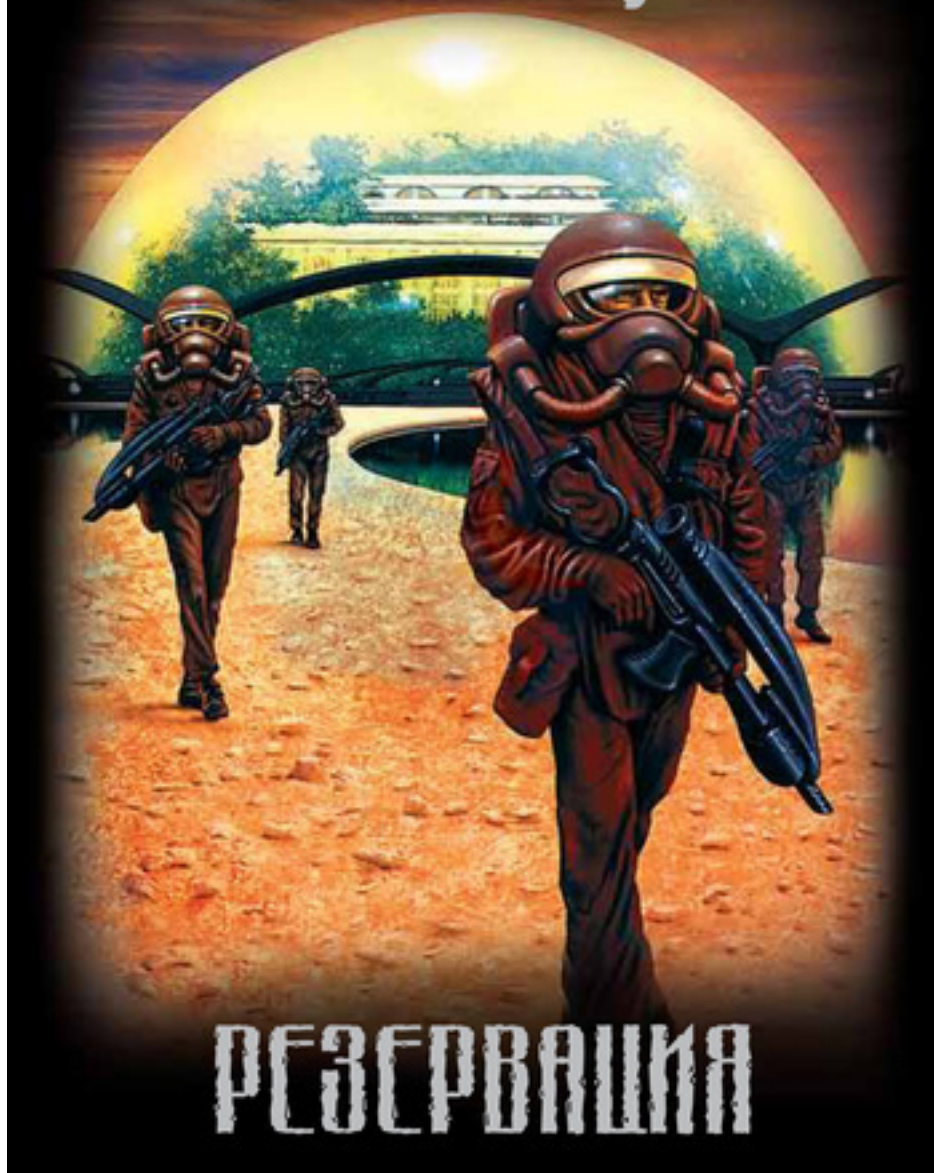

Алексей Калугин

РЕЗЕРВАЦИЯ

Резервация

Алексей Калугин

Резервация

«ЭКСМО»

1997

Калугин А. А.

Резервация / А. А. Калугин — «Эксмо», 1997 — (Резервация)

В середине 21-го века, когда Земля находилась на грани гибели, была создана Сфера – гигантский мегаполис, отделенный от всего остального мира непреодолимым барьером поля стабильности. В процессе своего развития общество Сферы повторило все те ошибки, которые в свое время едва не погубили Землю. Власть имущие сражались за власть, а простые люди, отрезанные от мертвой, как они считали, Земли, отчаянно боролись за место в жизни. Это был еще не Ад, но уже преддверие Ада. Когда же Земля, наконец, смогла установить контакт с жителями Сферы, это едва не обернулось катастрофой...

© Калугин А. А., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Калугин

Резервация

Глава 1

Пикник на пепелище

Проснувшись, Стинов еще какое-то время лежал с закрытыми глазами – до тех пор, пока оставалась слабая надежда на то, что сон, быть может, еще вернется. Вставать отчаянно не хотелось. День был выходным, никуда не надо было спешить. В соответствии с установленной программой, обычное безрадостное утро должно было плавно перетечь в тоскливый, бессмысленный день – пивная, видеосалон, снова пивная, – который закончится мрачным вечером, когда, ложась в кровать, он будет думать только о том, как бы не опоздать завтра в отдел. Не открывая глаз, Стинов протянул руку в сторону, забрался в карман висящей на спинке стула рубашки и поймал двумя пальцами полупустую упаковку жевательных пастилок эфимера. Кинув одну пастилку в рот, он подумал, добавил к ней еще одну и, расслабленно раскинувшись на кровати, принялся не спеша, старательно и с чувством разжевывать их.

Вчера на работе шеф Архивного отдела подкинул Стинову заказ обладателя золотой карточки из сектора Галилея, снедаемого страстью к генеалогии. Он полагал, что один из его предков был депутатом пятой Государственной Думы России, и, движимый фамильной гордостью, хотел собрать о нем всю имевшуюся информацию. Стинову внезапно вспыхнувшая любовь к далеким предкам казалась надуманной и смешной. Какая разница, кем был твой земной пращур, если сам ты теперь обитатель Сферы Стабильности, а Земли, быть может, уже и в помине нет? Хотя, конечно, если у тебя в кармане золотая карточка, то можно позволить себе любые причуды.

Стинов своей родословной никогда не интересовался. О родителях ему было известно только то, что отец его, Рун Стинов, работал в Центре клонирования и погиб во время голодного бунта в секторе Менделеева, когда разъяренная толпа, подстрекаемая вездесущими иксаитами, уверовав в то, что их хлеб съели клоны, кинулась громить лаборатории. Утром того дня, когда бунтовщики были разогнаны и в инфо-сети появились списки погибших, мать, как обычно, отвела трехлетнего сына в класс для малолетних и больше уже за ним не возвращалась. От воспитателей Игорь услышал, что она скорее всего ушла к церковникам-геренитам, которые грозились однажды раз и навсегда покончить с насилием, наполнив Сферу божественной милостью, дарованной им через откровения Хабера ван Герена. Ну, и что толку от таких родителей? Лучше бы их и вовсе не было.

Но отговаривать от глупой затеи богатенького чудака из сектора Галилея Стинов не собирался. Если человеку не терпится выбросить деньги на ветер, то все, что следует сделать, – это занять такое положение в пространстве, чтобы этот ветер обдувал и тебя.

Автоматическая компьютерная выборка из газет той поры выдала только две коротенькие статьи, в которых вскользь упоминалось искомое имя. За те деньги, что платил заказчик, этого было явно недостаточно, и шеф усадил Стинова вручную просматривать не только центральные газеты, но и региональную печать. Просидев за моноэкраном до позднего вечера и не добившись никаких результатов, Стинов использовал прием, к которому прибегал уже не впервые. Он выбрал семь больших статей о работе пятой Государственной Думы и заменил в них наиболее часто встречающиеся имена на имя предка заказчика. После чего со спокойной совестью распечатал полученный материал. Почему бы не подправить историю для одного человека, если он может за это заплатить?

Работа была несложная, но кропотливая, требующая внимательности и точности. Тут нельзя было допустить ни единой ошибки. Заметив малейшую неточность, заказчик непременно устроит дополнительную проверку вызвавшего сомнение документа, после чего исполнитель данного задания со скандалом вылетит из Архивного отдела. Такую работу под эфиром не сделаешь.

Домой Стинов вернулся поздно, уставший настолько, что, даже не поужинав, завалился спать. А утром первым делом – пастилку эфимера в рот.

Он неподвижно лежал на кровати – глаза закрыты, руки вытянуты поверх одеяла – и неспешно, с чувством пережевывал пропитанный эфиром кусочек латекса, ожидая, когда

препарат всосется в кровь и начнет действовать. Без этого он не то чтобы боялся, но не хотел открывать глаза, заранее зная, что увидит все тот же нависающий над головой голубоватый потолок. Психологи считали, что голубая окраска потолков должна вызывать ассоциации с необъятным небесным простором. Стинову это казалось смешным. Кому могла напомнить небо давящая на затылок голубая плоскость? Тем, кто видел небо только в кино? Голубой потолок так и останется голубым потолком, если, прежде чем взглянуть на него, не нажеваться эфимера.

Стинов почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев. Теплая волна поднялась вверх по рукам и быстро разлилась по всему телу, сделав его почти невесомым. Если и дальше лежать неподвижно, то вскоре возникнет ощущение, что тело растворяется в окружающем его воздухе. Стинов этого не хотел. Эфимер был нужен ему, чтобы влиться в поток повседневности и прожить еще один день, а вовсе не для того, чтобы провалиться в бездонную яму сияющего небытия. Случалось, что, когда ему бывало совсем паршиво, он набивал рот пастилками с эфимером и жевал их до полного одурения, до тех пор, пока становилось невозможно отличить реальную действительность от образов, порожденных мозгом, выбитым из привычного состояния равновесия мощной дозой галлюциногена. Но подобное происходило нечасто, и сегодня был совсем не тот день.

Стинов открыл глаза. Потолок казался гораздо выше, чем был на самом деле. Голубоватую, немного неровную поверхность, похожую на губку, впитавшую влагу, то и дело пересекали серебристые, неяркие молнии. Стинов улыбнулся. Подобный вид потолка предвещал хорошее настроение в течение дня. Игорь не любил, когда под действием эфимера потолок менял цвет или становился похожим на глыбу мрамора, расколотую трещинами.

Он посмотрел в сторону. Стул казался недостижимо далеким, но стоило протянуть руку, и она легко вытянулась до требуемой длины. Накинув на плечи домашний халат, Стинов сел на кровати. Из-за стены доносился приглушенный звук льющейся воды. Двигаться не хотелось. По крайней мере до тех пор, пока не освободится ванная.

Однообразно-ровный звук падающей в раковину струи, улавливаемый его обостренным слухом, рассыпался в сознании каскадом, превращаясь в могучую симфонию, исполняемую оркестром духовых. Какое-то время Стинов наслаждался созданной воображением музыкой. Пару раз он даже в шутку взмахнул руками, дирижируя несуществующим оркестром. Но вскоре ему это надоело, и он встряхнул головой, прогоняя прочь музыкантов с их инструментами.

Просто сидеть и ждать можно было до бесконечности. Марти Турин, сосед Стинова, живший в одной комнате со своей подружкой Карелой, случалось, забывал выключить воду. А в третьей комнате жил старик, имени которого никто не знал. Так тот вообще никогда не выглядывал из-за двери, если кто из соседей был дома.

Тяжело, с томительным вздохом поднявшись на ноги, Стинов вышел в коридор и распахнул дверь в ванную. У раковины в одних трусах, сползших до колен, стоял Марти. Наклонившись над краном с льющейся водой, он выделял руками чудные дугообразные движения. При этом он то и дело быстро хлопал в ладоши, словно мошек ловил.

– Привет, Марти, – недовольно буркнул Стинов. – Кончай развлекаться, я умыться хочу. Марти даже не обернулся.

– Ничего у тебя не выйдет! – радостно возвестил он, не прерывая своего странного занятия. – Я сам уже полчаса пытаюсь помыться.

– И что тебе мешает? – спросил Стинов, не очень рассчитывая получить вразумительный ответ.

– Да ты посмотри, какие она петли выделяет! – возмущенно воскликнул Марти.

Он снова хлопнул в ладоши и опять ничего не поймал.

– Кто? – не понял Стинов.

– Струя!

Струя воды из-под крана, как ей и было положено, отвесно падала вниз и разбивалась о край сточного отверстия раковины.

– Марти, посмотри на меня, – строго потребовал Стинов.

Прервав свое бессмысленное занятие, Турин обернулся. Расширенные сверх всякой меры зрачки Марти заполняли едва ли не все пространство радужной оболочки глазных яблок.

– С утра эфимера обожрался, – сразу же понял, в чем дело, Стинов.

– Не в том дело, – назидательно поднял вверх указательный палец Марти. – Дело в том, что я не могу умыться.

– Заберись под душ, – посоветовал Стинов.

Марти удивленно вскинул брови и с благоговейным восторгом посмотрел на Стинова. Столь простое решение проблемы, похоже, даже не приходило ему в голову. Стянув трусы, Марти полез в ванну.

– Ты знаешь, что лицо у тебя сейчас, как нефритовая маска, а глаза похожи на ртутные шарики, – сообщил он Стинову, становясь под душ. – Это добрый знак.

Не слушая его, Стинов подошел к раковине и, выплюнув резинку, в которой уже не осталось эфимера, стал чистить зубы.

– Поверь мне, Игорь, – продолжал между тем Марти, нежась под струями теплой воды. – Я понимаю толк в разгадывании сигналов подсознания.

Стинов знал, что среди тех, кто употреблял нелегальный сильнодействующий эфимер, бытовала теория, в соответствии с которой образы подсознания, рождающиеся под воздействием галлюциногена, дают возможность постичь суть любого предмета или человека, узнать их прошлое и даже предугадать будущее. Только не особенно он в это верил.

Поплескавшись под душем, Марти немного пришел в себя. По крайней мере, когда Стинов кинул ему полотенце, он сразу его поймал.

– Сколько пастилок сжевал? – спросил Стинов.

– Всего одну, – ответил, растирая полотенцем худое, костлявое тело, Марти. – Но зато какую!

– Нелегальный?

Марти загадочно шевельнул бровями.

– Как можно с самого утра так нагружать мозги? – недоумевающе пожал плечами Стинов.

– Понимал бы что, – выглянув из-под полотенца, с сожалением посмотрел на него Марти. – Я даже на ночь жую резинку с эфимером, чтобы кошмары не снились.

– Помогает?

– Когда как.

– Как тебе только удастся работать в таком состоянии? – удивленно покачал головой Стинов.

– Привычка, – усмехнулся Марти.

Бросив мокрое полотенце на край ванны, он натянул трусы и руками пригладил коротко остриженные волосы. Стинов заметил, что от макушки по голове Марти уже поползло пятно ранней лысины.

– Чем собираешься заняться сегодня? – бодро поинтересовался Марти.

– У меня выходной, – ответил Стинов.

– Знаю, потому и спрашиваю, – улыбнулся Марти.

Что-то у него, видно, было на уме.

– Не знаю, – честно признался Стинов. – Постараюсь расслабиться и отдохнуть.

– Будешь тянуть кислое пиво из автопоилки в обществе таких же скучных типов, как и сам, – продолжая улыбаться, понимающе повел подбородком сверху вниз Марти.

– Я хотел сходить в библиотеку, – сказал Стинов, хотя на самом деле даже и не думал об этом.

– У меня есть предложение получше, – положил руку ему на плечо Марти. – Мы с Карелой собираемся на пикник в одно очень интересное место. Бери с собой свое пиво и присоединяйся к нам.

– Терпеть не могу комнат со стереопейзажами, – поморщился, словно от зубной боли, Стинов. – Даже после двойной дозы эфимера они выглядят ненастоящими.

– Разве я могу позволить себе пригласить друга в стереокомнату! – возмущенно воскликнул Марти. – Я приглашаю тебя на настоящую загородную прогулку. Три года назад полностью выгорел сектор Ломоносова. До сих пор его даже не начали восстанавливать...

– Аварийный сектор закрыт и опечатан.

– На днях один приятель рассказал мне, как можно туда пробраться. Он уже бывал там на пикнике. Говорит, что впечатление незабываемое. Парень, который был там вместе с ним, увидел всадников Апокалипсиса! Ты только представь себе – пикник среди руин!

Стинов задумчиво потер ладонью скулу. С одной стороны, конечно, только очумевшему от эфимера чудачу может прийти в голову подобная бредовая идея. Но, с другой стороны, почему бы не сходить посмотреть на выгоревший сектор? Все ж таки что-то новое, необычное. Можно сказать – экзотика.

– Ладно, – согласился Стинов.

– Я знал, что тебе понравится эта идея! – Марти хлопнул его ладонью по плечу. – Собирайся, мы с Карелой минут через десять за тобой зайдем. У меня осталось еще пол-упаковки убойного эфимера, – тихо добавил он.

Они вместе вышли из ванной.

Прежде чем идти к себе, Марти подкрался к двери комнаты, где жил их третий сосед, и осторожно потянул за ручку. Дверь была заперта.

– Ты когда последний раз старика видел? – шепотом спросил Марти.

– Не помню, – так же тихо ответил Стинов. – А что у тебя за дело к нему?

– Да я все думаю, не помер ли?

– Если бы помер, то запах пошел бы, – возразил Стинов.

Марти прижался носом к дверной щели и потянул воздух.

– Вроде бы ничем не пахнет, – сказал он. – Однако если у него там кондиционер на полную мощность работает...

– Если бы у старика без остановки работал кондиционер, его дверь уже взломали бы агенты из Отдела энергоснабжения.

– А если у него золотая карта с проплатой на несколько лет вперед? – продолжал развивать свою версию Марти.

– Тогда бы он жил не здесь, – усмехнулся Стинов. – И у дверей его дежурила бы пара мордovorотов с дубинками.

Марти озадаченно почесал нос – возразить было ничего.

– Ладно, собирайся, – махнул он рукой и скрылся за дверью своей комнаты.

Сборы не заняли много времени. Стинов, не застывая, поднял кровать и убрал ее в стенную нишу. Порывшись в платяном шкафу, он выбрал из своего небогатого гардероба темно-синий спортивный костюм, который купил пару лет назад, когда собирался начать бегать по утрам. На спине куртки большими красными буквами по кругу было написано: «Сфера Стабильности – навсегда!» Вставив кредитную карточку в щель возле экрана инфo-сети, он проверил наличность. Деньги за работу, которую он выполнил вчера, конечно же, еще не перевели. Но и того, что оставалось на карточке, было достаточно, чтобы позволить себе купить несколько банок пива и немного натуральной еды. Не жевать же на пикнике прилипающий к зубам синтетический бифштекс.

Дверь без стука распахнулась, и в комнату ввалился Марти.

– Готов?

Взглянув на Марти, Стинов только головой покачал. Слов не было, костюмчик у Марти, конечно же, был самый подходящий для прогулки по выгоревшему сектору: ярко-оранжевая майка с короткими рукавами и белые шорты.

Вытолкнув Марти за дверь, Стинов вышел следом за ним, захлопнул дверь и, дернув за ручку, проверил, надежно ли она заперта.

– Привет, Игорек, – махнула ему рукой ожидавшая в коридоре Карела.

Подружка Марти, маленькая полная блондинка с широким носом и большими глазами, тоже была одета так, словно собиралась в солярий. И все же ее наряд, хотя и стремился к минимуму, был выдержан в темных тонах – должно быть, голова у Карелы работала чуть лучше, чем у Марти.

В центральном проходе сектора они зашли в кафе. Марти, когда у него был эфирмер, даже и не думал о еде. Но, не слушая его нытья, Карела набрала в автоматах сэндвичей с синтетической ветчиной и сыром. Можно, конечно, убедить себя в том, что между настоящими продуктами и их биотехнологическими аналогами нет никакой разницы, но на вкусовые рецепторы подобная уверенность почему-то не действовала. Даже Марти смог бы отличить на вкус настоящий сыр от суррогата. Взяв в автомате пять банок пива, Стинов подошел к стойке и заказал жареное мясо с зеленым горошком. Получив заказ на пластиковой тарелке, он накрыл ее сверху другой и вместе с пивом сунул в сумку, висевшую у Марти на плече.

Выйдя из кафе, они встали на полосу движущегося тротуара и за пару минут добрались до лифта общего пользования. В кабине лифта, когда нужно было вставить свои удостоверения личности в контрольную щель, Марти долго, чертыхаясь, рылся в карманах, затем полез в сумку и нашел свое удостоверение только после того, как Карела прикрикнула на него, назвав оболтусом и растяпой. Считав информацию, контрольная система лифта певучим голосом объявила названия секторов, в диапазоне которых они имели право перемещаться, и попросила назвать тот, что им требовался.

– Сектор Набокова, первый этаж, – быстро сказал Марти и заговорщицки подмигнул спутникам.

Выйдя из лифта, Марти огляделся по сторонам.

– Налево, – рукой указал он направление.

Проехав недолго на движущемся тротуаре, они сошли с него возле небольшого, явно не пользующегося популярностью зала видеоигр. По прозрачному пластику витрины, за которым был вывешен список игровых автоматов, зеленой краской был криво намалеван лозунг, призывающий так нажраться эфирмера, чтобы даже Совету сохранения стабильности стало тошно.

– Я здесь сам в первый раз, – сказал Марти. – Но мне описали все ориентиры.

Стинов про себя усмехнулся, вспомнив, как Марти в ванной ловил струю воды из-под крана. Если у него до сих пор в голове такой же кавардак, то какими же четкими должны быть ориентиры, чтобы он смог узнать нужное место?

Следуя за улыбающимся чему-то своему Марти, они свернули за угол зала видеоигр и, пройдя мимо длинного ряда жилых секций, оказались возле круглой клумбы с красными пластиковыми тюльпанами. Вокруг нее, на покрытии, имитирующем гаревую дорожку, стояли четыре красные скамейки. Над искусственной травой висели голографические изображения голубых елей. Парк, созданный из неживых материалов, был чист и ухожен, но, как и многие, подобные ему места, разбросанные по Сфере, абсолютно пуст. Не доверяя статичным творениям неизвестных дизайнеров, люди предпочитали обманывать себя с помощью эфирмера.

Марти пересчитал скамейки, что-то прикинул в уме и пересчитал их еще раз. Оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что никто за ними не наблюдает, он обогнул одну из иллюзорных елей и присел за ней на корточки.

– Идите сюда, – через минуту окликнул он Карелу и Стинова.

Подойдя к тому месту, где сидел Марти, Стинов увидел, что тот отогнул край пластикового листа со стереоизображением необъятных просторов, за которым зияла черная дыра.

– Полезай, – шепотом велел Стинову Марти. – Здесь до пола всего метра два.

– Ну уж нет, – покачал головой Стинов. – Сам полезай первым.

– Трисишь? – усмехнулся Марти.

Стинов молча развел руками.

Марти сомнений не ведал.

– Подержи.

Стинов принял из его рук угол отодранного пластика и подтянул его вверх. Марти поставил сумку на жесткую пластиковую траву, встал на четвереньки и задом полез в дыру. Когда ноги его повисли в пустоте, он лег грудью на синтетическую траву и, придерживаясь за нее руками, медленно сполз вниз. На мгновение голова его зависла в проеме дыры. Отпустив руки, Марти полностью скрылся из виду. Снизу послышался короткий приглушенный звук, а следом за ним негромкий голос Марти:

– Давайте лезьте сюда. Только сумку не забудьте.

Передав Марти сумку, пролезла в дыру Карела. Следом за ней спустился Стинов. Прежде чем прыгнуть вниз, он постарался пристроить на место отогнутый угол пластикового листа.

Оказавшись внизу, Стинов первым делом огляделся по сторонам. Они находились на первом этаже стандартного десятиэтажного сектора Ломоносова. Все помещения выгорели дотла. Что и где находилось здесь прежде, представить было почти невозможно. От зданий остались только очерченные арматурами контуры, перекрытия между этажами, да кое-где лестницы. Представление о силе бушевавшего здесь некогда пламени можно было составить, взглянув на остатки стенных панелей из огнеупорного пластика, свисающие с перекрытий скукоженными лохмами с завернувшимися в трубки краями. В воздухе стоял запах застарелой гари с примесью сладковатого привкуса какой-то бытовой химии.

– Откуда здесь освещение?

Ряды ламп в простых жестяных рефлекторах были развешены на уровне третьего этажа.

Марти уже полностью освоился в новой, необычной обстановке, в чем ему, несомненно, значительную помощь оказал эфирмер. Закинув сумку на плечо и приобняв свободной рукой за плечи Карелу, он что-то бодро насвистывал.

– Откуда я знаю? – пренебрежительно дернул он плечом в ответ на вопрос Стинова. – Может быть, готовятся начать ремонт.

Карела провела носком босоножки по толстому слою черной, маслянистой сажи, покрывавшей пол.

– Прямо здесь и остановимся? – спросила она.

– Нет! – Отпустив плечо подруги, Марти взмахнул рукой. – Мы должны осмотреть весь этот заповедник первозданного хаоса!

– Здесь везде одно и то же, – мрачно заметил Стинов.

Он уже начал жалеть, что позволил втянуть себя в эту идиотскую затею. Мало того что созерцание грандиозного пожарища вовсе не вызвало у него таких бурных эмоций, как у Марти, он к тому же еще и начал опасаться возможности встречи с теми, кто развесил лампы. А может быть, еще и бешеные лазают по этому мрачному, пустому, грязному сектору? Для них местечко вполне подходящее.

Марти с Карелой уже шли вперед по проходу между остовами жилых корпусов. Стинов хотел было, махнув на них рукой, вернуться, но вспомнил о своем завтраке и банках с пивом, что остались в сумке у Марти. Деньги были истрачены, и продукты следовало употребить по назначению. Стинов быстро догнал счастливую парочку.

– Хватит, Марти, – схватил он за руку приятеля. – Не стоит дальше идти. Можно и здесь посидеть.

– О нет, мой друг, – указательным пальцем Марти вычертил в воздухе замысловатую спираль. – Я только начал спускаться по первому кругу Ада и намерен дойти до конца, до глубин непознанного ужаса...

Зрачки Марти были расширены, а челюсти равномерно двигались, пережевывая очередную пастилку эфимера. Карела, висевшая на руке Марти и время от времени хихикавшая без видимого повода, тоже находилась под воздействием сильной дозы галлюциногена.

Чтобы успокоиться и взять себя в руки, Стинов кинул в рот таблетку эфимера из своей упаковки.

Через пару минут даже он, хотя его препарат и был значительно слабее, начал замечать, что черные тени по сторонам приходят в движение, разворачиваются, медленно и плавно поднимаются и снова опадают вниз, подобно крыльям чудовищно гигантских нетопырей. Прутья арматуры изгибались и скручивались в жгуты, которые затягивались скользящими петлями, готовыми переломить позвонки на шее любого, кто в них попадет. По спине Стинова пробежал колючий, леденящий озноб страха. Необычное ощущение бодрило, подергивая кончики нервов. Оно доставляло удовольствие, потому что, хотя страх и был настоящим, почти неконтролируемым, крошечный участок мозга все время помнил о том, что это всего лишь иллюзия.

В голове же Марти подобный контрольный участок отсутствовал. Он шел вперед и тащил за собой Карелу, продираясь сквозь наползающие один на другой пласты образов, порожденных расплывающимся сознанием. Огромные рыбы, покрытые радужной чешуей, проплывали мимо Марти, едва не задевая лицо своими роскошными, муаровыми хвостами; клубки покрытых слизью змей копошились под ногами; гигантская алая пасть разверзалась перед ним, но он смело ступал на ее пупырчатый язык и, пройдя сквозь глотку, оказывался перед монолитной скалой, из которой вырастала рука с манящим его указательным пальцем...

Придя в себя, Стинов схватил Марти за плечи и развернул к себе лицом.

– Все, Марти, хватит! – крикнул он. – Дальше не пойдем!

Губы Марти расплылись в идиотской заискивающей улыбке. Перед ним сейчас стоял излучающий потоки света властелин с лицом Стинова.

– Слушаюсь, о мой повелитель, – покорно проблеял он. – Я готов следовать за тобой, куда ты прикажешь.

Не пытаясь распутать фантазии Марти, Стинов втолкнул его в зияющий пролом в стене ближайшего каркаса здания. Карела, продолжая хихикать, последовала за ними.

Пол первого этажа здания, в котором они оказались, был завален обгоревшими обломками и покореженными станинами длинных металлических стеллажей. Всю эту рухлядь покрывал толстый слой золы и сажи, спрессованный и застывший плотной коркой, склеенной огнетушащим составом. Стинов еще раз мысленно выругал себя за решение принять участие в идиотской затее Марти. О каком пикнике могла идти речь, если здесь негде было присесть? Марти-то все равно куда залезть, лишь бы только причудливый визуальный фон давал импульсы его сознанию для создания новых безумных образов. А у Стинова, с утра не имевшего крошки во рту, уже урчало в животе. Сейчас ему хотелось только где-нибудь присесть, быстро съесть принесенную с собой еду, выпить пиво и поскорее убраться с этого пожарища. Почти новый спортивный костюм теперь, точно, придется отдавать в стирку.

Толкая перед собой Марти и помогая пройти Кареле, Стинов перебрался через завал и вышел к лестнице без перил.

Плита перекрытия второго этажа была почти чистой. Должно быть, обгорелый мусор смело с нее напором воды во время тушения пожара. Ненадежные даже на вид стены огораживали площадку только с двух сторон. Лампа, висевшая почти возле самого проема, выходив-

шего на центральный проход сектора, заливала весь этаж бледным, мертвенным светом. От ног людей тянулись длинные, худые тени, пересекающие площадку.

– Роскошное место! – Марти подбежал к самому краю перекрытия и хлопнул ладонью по колпаку фонарного рефлектора. – Луна! Полная луна взошла над нашими душами!

Свет качнулся из стороны в сторону. Тени от людей метнулись к краям площадки и снова сошлись в центре, перекрестившись.

Стинов оттащил Марти от края и усадил на клеенку, которую достала из сумки и расстелила Карела. Сознание девушки тоже парило где-то над долиной грез, но тем не менее она сумела быстро и аккуратно разложить в центре импровизированного стола принесенные с собой припасы.

Стинов открыл банку и отхлебнул пива. Ему было тоскливо.

Карела жевала бутерброд с синтетической ветчиной и время от времени пыталась запихнуть другой такой же бутерброд в рот Марти, который сидел, скрестив ноги, и, прикрыв глаза, раскачивался из стороны в сторону.

Стинов съел свой завтрак и выпил две банки пива, когда Марти наконец-то открыл глаза. Зрачки его были почти нормальных размеров. Он посмотрел сначала на Карелу, потом на Стинова, улыбнулся и взял с тарелки бутерброд.

– Рассказать вам, где я был, – не поверите, – сообщил он и принялся за еду.

– Я ожидал большего, – сказал Стинов, открывая новую банку пива. – Пора собираться домой.

– Ну уж нет, – заартачился Марти. – У меня еще эфирмер остался.

– Прибереги до другого раза, – посоветовал Стинов.

– Это не в моих правилах, – ответил Марти, вытряхивая на ладонь пастилки эфирмера. – Будешь? – протянул он ладонь Стинову.

– У меня свои есть, – отрицательно качнул головой Стинов.

– Ну как знаешь.

Марти протянул ладонь Кареле, которая не стала отказываться.

В тот момент, когда Марти собирался кинуть пастилку в рот, откуда-то со стороны раздался громкий хлопок, разнесшийся гулким эхом среди пустых зданий. Марти замер с раскрытым ртом.

Стинов предостерегающе вскинул руку.

– Это еще что такое? – спросил он шепотом.

Марти безразлично пожал плечами.

Один за другим прозвучали еще несколько хлопков. Теперь Стинов смог определить направление. Хлопки раздавались слева от прохода, по которому они пришли сюда.

Заметив, что Марти снова собирается отправить в рот пастилку эфирмера, Стинов выхватил ее у него из пальцев.

– Кончай дурака валять, Игорь! – возмущенно воскликнул Марти.

Стинов погрозил Марти кулаком и кинул пастилку в нагрудный карман его майки.

Снова раздалась серия хлопков.

– Да это, наверное, рабочие пришли, – сказал Марти.

– А если бешеные?

Услышав про бешеных, Карела зябко передернула плечами. Никому из них троих, по счастью, встречаться с бешеными не приходилась. Банды бешеных обосновались почти на самом верху Сферы, в секторе Ньютона, полуразрушенной и зараженной токсическими выбросами после взрыва, устроенного иксаитами на располагавшемся там некогда крупном предприятии по переработке пластмасс. В поисках еды, питьевой воды и эфирмера, пользуясь только им одним известными ходами, бешеные совершали набеги то на один, то на другой сектор.казалось, в Сфере для них не существовало закрытых зон. После очередного налета про них рас-

сказывали жуткие истории. Оказавшись в чужом секторе, бешеные убивали каждого, кто попался им на пути, будь то старик или ребенок. Ходили даже слухи, что каннибализм среди них – обычное дело.

– Нет, это не бешеные, – мотнул головой Марти. – Им здесь делать нечего.

– Можно подумать, мы здесь по очень важному делу, – скривил губы Стинов.

Прозвучало еще несколько разрозненных хлопков. В воцарившейся затем тишине послышались громкие, искаженные расстоянием голоса, выкрикивающие какие-то короткие, отрывистые команды.

– Я же говорил, что это рабочие, – облегченно вздохнул Марти и снова потянулся за эфимером.

Стинов схватил его за руку.

– Надо убираться отсюда, – прошипел он сквозь зубы.

– Да брось ты, – недовольно скривился Марти. – Дай нам спокойно отдохнуть.

Бестолковое равнодушие Марти взбесило Стинова. Можно было, конечно, оставить его с Карелой здесь, а самому отправиться домой, но Стинов догадывался, что не успеет он спуститься по лестнице, как они оба примутся жевать эфимер, и что они после этого учудят, предсказать было невозможно. Вдвоем они могут поднять такой гвалт, что на шум сбегутся все, кто находится в секторе. Тогда и ему вряд ли удастся уйти незамеченным.

По звукам доносившихся голосов Стинов прикинул расстояние – должно быть, не более двухсот метров.

– Хорошо, – сказал он. – Давай сходим и посмотрим, что там за шум. Кто бы там ни был, мы сумеем подобраться к ним незамеченными по перекрытиям второго этажа.

– Отличная мысль, – не раздумывая, согласился Марти.

– Мы пойдем туда только в том случае, если ты на время воздержишься от эфимера, – предупредил Стинов.

– Само собой, – с серьезным видом кивнул Марти.

Стинов посмотрел на Карелу.

Та тоже быстро кивнула, показала ему зажатую в пальцах пастилку и спрятала ее в карман.

– Пошли, – сказал Стинов, поднимаясь на ноги.

Пока они шли, пробираясь между свисающими с верхнего этажа покореженными пластиковыми щитами, и, стараясь не шуметь, перелезали через груды металлического лома, снова слышались те же самые хлопки.

– Что-то напоминают мне эти звуки, – сосредоточенно наморщила лоб Карела. – Где-то я их уже слышала...

Взмахнув рукой, Стинов велел ей умолкнуть.

Они двигались по уровню вторых этажей жилых секций, располагавшихся когда-то длинным рядом, вплотную одна к другой. В двух местах, где плиты перекрытия рухнули, им пришлось перепрыгнуть провалы шириною в метр.

Они уже почти подошли к месту, откуда доносились странные звуки, когда Карела радостно сообщила:

– Я вспомнила, где я слышала это прежде. Так стреляли пистолеты бандитов в фильме, который я недавно видела. Вот только никак не могу вспомнить, как же он назывался...

– Не говори ерунды, – шепотом возразил ей Марти. – Пистолеты бывают только в кино. В Сфере нет огнестрельного оружия.

– Но в кино пистолеты стреляют точно с таким же звуком, – упорно стояла на своем Карела.

– Замолчите оба, – испуганно зашипел на них Стинов.

По краю площадки свисали два выгнутых наружу пластиковых щита, между которыми было около метра свободного пространства.

Пожалев костюм, Стинов не стал ложиться на пол, а, пригнувшись как можно ниже, добрался до края площадки и укрылся за правым щитом. К соседнему щиту подполз на четвереньках Марти. Белоснежные шорты и майка были густо измазаны сажей. За спиной Марти, положив руки ему на плечи, пристроилась Карела.

Не касаясь щита руками, чтобы он, чего доброго, не сорвался, Стинов вытянул шею и осторожно выглянул наружу.

Улицу освещали такие же фонари.

Фонарей в проходе было значительно больше, чем там, где они шли. Яркий свет заливал очищенный от мусора тротуар и фасад здания напротив, почти не пострадавший при пожаре. В конце прохода стояли вертикальные щиты с нарисованными на них мишенями. С противоположного конца – Стинова не видел его из-за покореженного пластикового листа – то и дело раздавались громкие хлопки.

– Что там? – шепотом спросил Стинов у Марти.

– Черт возьми, – Марти облизнул языком пересохшие губы и взглядом указал на Карелу. – Она оказалась права. У них действительно пистолеты.

Марти был всерьез напуган – значит, то, что он видит, не было эфирным бредом.

Стинов оперся руками о край плиты перекрытия и, слегка подавшись вперед, выглянул из своего укрытия. В конце прохода находились человек десять, одетые в одинаковые спортивные костюмы, похожие на тот, что был на нем. Один из них, в темных очках с зеркальными стеклами, что-то объяснял остальным, показывая предмет, который держал в руках. Затем он отошел в сторону. Слушавшие его выстроились в линию, вскинули руки с зажатыми в них пистолетами и нестройным залпом выстрелили по мишеням.

Двое человек в спортивных костюмах вышли из восстановленного здания, неся за ручки пластиковый контейнер. Стрелявшие по мишеням подошли к ним и сложили пистолеты в контейнер, после чего его снова унесли в дом, а стрелки отправились изучать мишени.

Стинов быстро спрятался за щит.

– Кто это такие? – посмотрел на него Марти.

Стинов пожал плечами.

– Да уж, точно, не бешеные, – сказала Карела.

Внизу между тем началось новое действие. Стрелки получили в руки длинные резиновые дубинки, какими обычно пользуются коменданты жилых секторов. На середину прохода вышел инструктор, учивший их стрелять.

– Отрабатываем технику захвата жилой секции, занятой противником, – громко произнес он. – Двое человек врываются в центральный коридор и в стремительном броске, работая дубинками, расчищают проход для остальных, которые рассыпаются по комнатам и наводят там порядок. – Помахивая дубинкой, он прошелся перед строем учеников. – Задача осложнена тем, что противостоят вам сегодня те, кто проходит обучение вместе с вами. Но если вы справитесь сейчас, то тогда вам не составит труда победить и в настоящей схватке. Начали!

Двое человек с дубинками наперевес ринулись в подъезд дома. Но там их, похоже, ожидал крепкий отпор. Через полминуты они вылетели в проход, изрядно потрепанные и уже безоружные. Появившийся в дверях улыбающийся человек бросил на тротуар их дубинки.

– Марти, – тихо прошептала Карела. – Мне страшно, Марти. Давай уйдем отсюда.

– Она права, – сказал Стинов. – Кто бы ни были эти люди, нам не поздоровится, если они заметят, что мы за ними наблюдаем. Ты слышишь, Марти?

Марти, подавшись всем корпусом вперед, сосредоточенно смотрел вниз.

– Карела, – окликнул девушку Стинов. – Он что, снова наглотался эфирера?

– Да нет же, он все время только и делал, что смотрел вниз, – она схватила Марти за подбородок и заставила его повернуться лицом к себе.

У Стинова колени затряслись от страха, когда он увидел огромные зрачки в пустых глазах Марти. Это был вторичный приход. Такое бывает с теми, кто без конца жует эфирмер, когда очередная доза галлюциногена наслаивается на предыдущую и начинает проявлять свое действие с некоторым опозданием.

– Карела, – сказал Стинов, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно. – Ты понимаешь, что в любую секунду Марти может выкинуть какой-нибудь номер и привлечет к нам внимание тех, кто внизу?

Девушка быстро кивнула. Глаза ее бегали по сторонам, словно ища спасения среди обгорелых стен здания.

– Ты понимаешь, что если нас обнаружат, то просто так уйти не дадут? – задал новый вопрос Стинов.

Девушка снова кивнула.

– Тогда оставь Марти, и пойдем отсюда.

– А как же он? – растерянно произнесла Карела.

– Он выберется сам, когда придет в себя, – сказал Стинов, хотя и сам не верил в это.

Марти дернул головой, пытаясь вырваться из рук Карелы. Иллюзорные образы, порожденные одурманенным эфирмером подсознанием, полностью сформировались и теперь требовали от него решительных действий. Карела, пытаясь удержать Марти, навалилась на него всем телом, прижимая к полу. Марти рванулся в сторону. Карела завалилась вбок и ударилась спиной о пластиковый щит. Щит качнулся, ударился о край плиты перекрытия и издал глухой, рокошующий гул.

Люди, находившиеся внизу, разом запрокинули головы.

Стинов отшатнулся назад и замер, погрузившись в тень.

– Кто у нас наверху? – спросил инструктор в зеркальных очках.

– Никого не должно быть, – ответил ему кто-то.

– Поднимитесь и проверьте, – приказал инструктор.

Трое человек побежали к лестнице.

Оттолкнув от себя Карелу, Марти поднялся в полный рост и встал в проеме между свисающими с верхнего этажа щитами.

– Не меня ли вы ищете? – крикнул он, дурашливо помахав рукой тем, кто находился внизу.

– Кто ты такой? – спросил инструктор.

– Я ангел мщения, явившийся, чтобы покарать вас! – во все горло заорал Марти и, схватив метровый отрезок арматуры, прыгнул вниз.

Стинов вскочил на ноги и, уже не думая ни о Марти, ни о Кареле, побежал туда, откуда они пришли.

Трое человек взбежали вверх по лестнице. Один из них схватил упирающуюся, визжащую Карелу и потащил ее вниз. Двое других кинулись в погоню за Стиновым.

Стинов понимал, что если не сумеет оторваться от преследователей, то у него не будет никаких шансов выбраться из сектора. Его догонят и схватят, прежде чем он успеет отыскать дыру и выбраться через нее в парк с голографическими голубыми елями. Стинов сам был удивлен тем, что страх не затуманил его сознания, а, наоборот, сделал его ясным, заставил работать быстро и четко. Он побежал чуть медленнее, чтобы расстояние между ним и преследователями сократилось. К тому моменту, когда Стинов добежал до провала между плитами перекрытия, людей в спортивных костюмах отделяло от него не более трех шагов. Перепрыгнув через дыру, Стинов развернулся, ухватился руками за тонкую горизонтальную балку над головой и, успев еще подумать, не обломится ли она под его весом, качнулся, выбросив ноги вперед.

Балка выдержала. Удар каблуков Стинова пришелся в грудь прыгнувшего следом за ним преследователя. Отбросив в сторону дубинку, тот попытался уцепиться руками за край плиты, но сорвался и с криком полетел вниз. Крик оборвался, когда человек упал на груды искореженных металлических обломков, один из которых пробил его тело насквозь.

Второй противник успел перепрыгнуть провал. В руке у него был зажат полуметровый отрезок упругой резины. Другой рукой он перехватил дубинку у основания, и из свободного конца ее выскользнуло стальное жало ножа.

Сделав шаг назад, Стинов прижался спиной к столбу.

– На колени, руки за голову, – приказал человек в спортивном костюме.

Подобно эфимерному видению, за спиной человека с дубинкой из темноты выплыла фигура, облаченная в серый балахон, перехваченный широким поясом с вышитыми на нем формулами поля стабильности, с широким капюшоном, скрывающим лицо. Это была одежда монаха-геренита. Неслышно ступая, словно скользя по полу, монах приблизился к человеку с дубинкой. Одной рукой монах крепко схватил его за подбородок. В другой руке, выпростанной из складок широкого рукава, монах держал длинный кривой нож, которым он спокойно и медленно провел по обнаженному горлу своей жертвы. Монах развел руки в стороны, и человек в спортивном костюме упал на пол, хрипя и захлебываясь собственной кровью. Монах опустил руки и, не сказав ни слова, точно призрак, снова растаял во тьме.

У Стинова не было времени думать о том, откуда в выгоревшем секторе появился монах-геренит и почему он решил спасти ему жизнь. Он снова бросился бежать со всех ног.

Добежав до плиты, на которой была расстелена клеенка с остатками трапезы, Стинов спустился по лестнице, выбрался в проход, ведущий к заветной стене, и снова побежал, стараясь держаться ближе к руинам зданий.

Минут через десять, задыхаясь и обливаясь потом, он увидел впереди стену. Добежав до нее, он вскинул руки вверх и принялся лихорадочно ощупывать стену. Почти сразу же левая рука провалилась в дыру. Отогнув лист пластика, Стинов подтянулся и протолкнул тело в лаз.

В парке по-прежнему никого не было. Стинов пристроил на место отогнутый край пластика со стереокартинкой и быстрым шагом направился к выходу.

В центральном проходе он зашел в зал видеоигр и, бросив взгляд на игровые аппараты, лишь один из которых был занят играющим, быстро юркнул в туалетную кабинку. Осмотрев себя в зеркало, он смыл со щеки пятно сажи, пригладил волосы, привел в порядок костюм и счистил грязь с ботинок.

Теперь уже неторопливой походкой праздного гуляющего бездельника он вышел в проход и встал на ленту движущегося тротуара, плавно скользившую в направлении лифтовой площадки.

Оказавшись, наконец, в своей секции, Стинов разделся и забрался под душ. Стоя под жесткими струями горячей воды, он старательно пережевывал две пастилки эфимера. Но вместо того чтобы дать успокоение, эфимер ударил по натянутым нервам новым кошмаром. Струи воды, вырывающиеся из дырочек душа, превратились в потоки крови, стекающие по обнаженному телу.

Выскочив из ванной, Стинов выключил душ и торопливо оберся полотенцем. Забежав в свою комнату, он выдернул из стенной ниши кровать и голым нырнул под одеяло.

Глава 2

Падение

Стинов лежал, зарывшись с головой в одеяло. Сознание и тело его, парализованные запоздалым страхом, налились свинцовой тяжестью. Он был не в состоянии оценивать или анализировать происшедшее. Что бы ни случилось сейчас, он не смог бы двинуться с места. Ему хотелось забыться сном, глубоким и бесчувственным, но вместо этого все его обострившиеся чувства старались уловить и зафиксировать любую информацию извне.

Примерно через час Стинов услышал, как тихо щелкнул замок двери, ведущей в секцию. Шагов он не услышал и поэтому догадался, что пришел старик, – Марти с Карелой не умели ходить бесшумно.

Мысленным взором Стинов снова увидел Марти, прыгающего вниз с куском арматуры в руках, который он сжимал, точно карающий меч, Карелу, извивающуюся и визжащую в руках незнакомца в спортивном костюме. Было жутко сознавать, что их, возможно, уже нет в живых, и все же Стинов не испытывал ни малейших угрызений совести. Марти был обречен, но Карелу он пытался спасти. Если бы он уговаривал ее дольше, то просто разделил бы ее с Марти судьбу. Кому от этого стало бы легче?

В конце концов Стинов не заснул, а провалился в мучительное полузабытье, наполненное призрачными образами, сменяющими друг друга с калейдоскопической быстротой. Он снова бежал, пытаясь спастись от преследователей, прыгал, бил ногами в грудь бросившегося следом за ним человека... Монах, спокойно, по-деловому перерезающий горло второму противнику... Почему-то из всех остальных его подсознание чаще и четче выделяло образ монаха-геренита.

Стинов вскочил, откинув одеяло, как только услышал первый сигнал пронзительно запищавшего будильника. Проведя над часами рукой, он заставил их умолкнуть. Он сел на краю кровати, широко расставив ноги, провел ладонями по лицу, затем пригладил растрепанные волосы. Рука привычно потянулась к карману рубашки за эфиром, но, заметив это непровольное движение, Стинов одернул себя. Сегодня сознание должно быть ясным. Никаких галлюцинаций – нужно вернуться в реальность, забыть обо всем и жить как прежде, словно ничего не случилось.

Выйдя в коридор, Стинов на цыпочках подкрался к двери комнаты Марти и осторожно потянул за ручку. Дверь была заперта. Стинов хотел негромко постучать, но вспомнил о старике из соседней комнаты, который сейчас, возможно, стоит за дверью и прислушивается к звукам, доносящимся из коридора. Таиться как раз и не следовало, и он громко постучал в дверь.

– Марти, на работу не проспий?

Не дождавшись ответа, он демонстративно хмыкнул и, старательно топая, пошел в ванную.

Приняв душ и побрившись, Стинов надел светлую рубашку с короткими рукавами и голубые брюки. Ботинки он надел те же, что и вчера, предварительно очистив их от золы и саж, оставшихся после вчерашней прогулки. Мягкий спортивный костюм он сунул в контейнер для грязного белья.

Перед тем как идти в отдел, Стинов, как обычно, зашел в закусную на углу. Проверив свой счет, он убедился, что денег за работу для толстосума из сектора Галилея по-прежнему нет, и в целях экономии заказал яичницу с синтетической ветчиной.

В отдел Стинов пришел без опоздания, что случалось с ним нечасто. Прерывистые звонки инфо-сети и треск работающих принтеров, знакомые, успевшие надоесть и даже опротиветь лица сослуживцев, стандартные реплики, которыми приходилось обмениваться с ними,

чтобы скрыть свою неприязнь, – вся эта привычная суета, облепившая Стинова, словно клейкая паутина, почти заставила его забыть о событиях прошедшего дня. Почти заставила поверить в то, что это был всего лишь дурной сон.

Но, вернувшись к вечеру домой, он снова уперся взглядом в закрытую дверь комнаты Марти. События безумного дня не желали отпускать его.

Стинов вошел в комнату, сел на стул и обхватил голову руками. Кто бы ни были те, кого он видел в секторе Ломоносова, им известно, что за ними подсматривали трое. Третий ушел, убив одного из них... Нет, двоих – они спишут на него и того, которого прирезал монах. Есть ли у них возможность отыскать его? Если бы Марти или Карела назвали Стинова, то за ним пришли бы еще вчера. Выходит, что они не знают ни имени Стинова, ни где он живет. И тем не менее они непременно станут его искать.

Устав перемалывать в голове одни и те же мысли, Стинов вышел в проход. Четыре часа он бесцельно блуждал по сектору, заходя во все встречавшиеся на пути кафе и бары. Он ничего не заказывал – просто сидел в углу минут двадцать, слушая разговоры соседей или глядя на телеэкран с выключенным звуком, на котором чаще всего мелькали кадры старых, знакомых всем и каждому фильмов, после чего поднимался и снова куда-нибудь шел. Среди людей ему было не так страшно, как в пустой секции с закрытыми дверями. Бесконечное мелькание сотен незнакомых лиц, кадров из фильмов, наслаивающихся друг на друга обрывков новостей и песенных ритмов, доносившихся из динамиков, в конце концов довело сознание Стинова до полного отупения. И только после этого он вернулся домой и завалился в постель.

Проснулся он среди ночи, разбуженный ударом в дверь. Выбитый замок, отлетев, больно ударил по голый ноге, высовывающейся из-под одеяла. Ослепленный вспыхнувшим ярким светом, Стинов увидел вначале только черные силуэты людей, ворвавшихся к нему в комнату. Когда глаза привыкли к свету, Стинов увидел, что все они одеты в темно-зеленые, наглухо застегнутые под горло короткие френчи. Форма, как и резиновые дубинки, появилась у комендантов секторов уже на памяти Стинова. Прежде они ходили в такой же одежде, как и все. Никаких знаков различия на форме комендантов не было, но, судя по тому, что сидела она на них ладно, точно подогнанная по фигуре, это были не дежурные с улицы.

Двое комендантов заняли место в дверях, блокируя выход. Двое других молча принялись рыться в шкафу и в столе. Еще один подошел к кровати и многозначительно продемонстрировал Стинову свою дубинку.

– В чем дело? – спросил, приподнявшись на локте, Стинов.

Голос его сорвался на фальцет.

Никто и не подумал ему ответить.

Комната была слишком мала для шестерых человек – рьяно принявшиеся за дело коменданты то и дело толкали друг друга локтями. Сидя на кровати, Стинов видел только их зеленые спины.

– Может быть, я могу вам помочь? – нерешительно предложил он.

Вопрос его снова остался без ответа.

– Есть, – сухо произнес комендант, рывшийся в столе, и повернулся к Стинову. – Твое?

В руке он держал начатую упаковку эфимера.

Стинов точно помнил, что свою он оставил в кармане рубашки. И у него никогда не было привычки покупать эфимер про запас. Посмотрев на коменданта, он отрицательно качнул головой.

Дернув углом рта, комендант изобразил усмешку. Достав из начатой упаковки пастилку, он откусил от нее краешек, пожевал передними зубами и сплюнул на пол.

– Нелегальный эфимер, – сказал он, отдавая упаковку тому, что стоял у двери.

– Это не мое!

Стинов попытался было вскочить на ноги, но стоящий рядом с ним комендант ткнул его дубинкой в грудь. Почувствовав на груди холодную, упругую резину, Стинов вспомнил дубинку с выскользнувшим лезвием, которую он видел в руках у человека из выгоревшего сектора.

Другой комендант взял со стула одежду Стинова и проверил в ней карманы. Он забрал только ключ от комнаты, сунув обратно кредитную карточку и удостоверение личности. Не заинтересовала его и початая упаковка легального эфимера, что лежала в кармане рубашки.

– Одевайся, – приказал комендант, бросив одежду Стинову. – Пойдешь с нами.

– Это не мой эфимер, – попытался еще раз объясниться Стинов.

– Но нашли его в твоей комнате, – ответил комендант.

– Я не знаю, как он сюда попал, – сказал Стинов, торопливо натягивая рубашку.

– Разберемся, – усмехнулся комендант.

Привычная усмешка и холодный, безразличный взгляд чуть прищуренных глаз сказали Стинову больше, чем любые слова. Вопросы задавать не имело смысла. Коменданты, пришедшие среди ночи делать обыск без всякого на то основания, сами принесли в его комнату нелегальный эфимер.

Стинов наклонился и застегнул ботинки.

– Я готов, – сказал он.

Комендант молча указал на дверь.

Выйдя в коридор, Стинов увидел старика-соседа, который стоял у двери своей комнаты. У старика была дряблая, морщинистая кожа, складками собирающаяся на шее. На голове его почти не осталось волос. Однако, встретив взгляд старика, Стинов был поражен его уверенностью и силой.

– Провидение хранит тебя, – сказал старик, глядя Игорю в глаза.

– Я далек от бога, – покачал головой Стинов.

– Ты придешь к нему, потому что ты один и тебе больше некуда идти.

– Пока мне дорогу указывают, – кивнул Стинов в сторону сопровождавших его комендантов.

– Не всегда так будет, – уверенно произнес старик. – Провидение тебе поможет, как уже помогло однажды, прислав своего слугу.

Стинов замер на месте, удивленно глядя на старика с сияющим взором. Идущий следом комендант толкнул в спину.

В условное ночное время освещение центрального прохода сектора было тусклым – горела только каждая третья световая панель. Движущийся тротуар был выключен. Стинова сопровождали трое комендантов. Двое других остались в секции, хотя и непонятно было, что им еще нужно, если все улики они принесли с собой. Стинов уже почти не сомневался, что нелегальный эфимер послужил только поводом, а подлинной причиной ареста было его участие в прогулке по сектору Ломоносова.

С сознанием Стинова происходило нечто странное. Оно словно бы раздвоилось. То же самое случилось и во время бегства из сгоревшего сектора, когда привычный пласт сознания, советами которого Стинов привык руководствоваться в повседневной жизни, удивительным образом сместился в сторону, открыв потаенные глубины, в которые прежде ему не доводилось заглядывать. То, что находилось там, в глубине, не было чем-то чуждым, но казалось незнакомым, неведомым. Именно эта часть его личности, о существовании которой Стинов прежде даже не подозревал, подсказала ему путь к спасению. В тот раз Стинов приписал это необычное ощущение воздействию галлюциногена. Но сейчас это снова повторилось, а он уже более суток не принимал эфимера.

Та часть сознания, что заставляла во всем подчиняться комендантам, лелея надежду на то, что все еще, быть может, как-нибудь да обойдется, оказалась оттиснутой в сторону. Изба-

вившись от парализующего страха, мозг Стинова снова работал четко, как хорошо отлаженный автомат, в точности фиксируя все, что происходило вокруг. Он отмечал темные боковые проходы, в которых не горела ни одна осветительная панель, и приоткрытые двери домов, вычисляя путь возможного бегства, хотя еще и не знал, возникнет ли необходимость им воспользоваться. Увидев, как один из комендантов кинул в рот пастилку и принялся ее жевать, Стинов для чего-то стал изображать из себя человека, находящегося под сильным воздействием эфимера. Он бестолково крутил головой по сторонам и глупо таращил глаза на серые стены домов и вывески в витринах. Спектакль удался ему на славу. Коменданты, и прежде не принимавшие его за достойного противника, теперь и вовсе расслабились. Охранники, шедшие прежде с двух сторон от арестованного, оба теперь оказались по левую руку от него и о чем-то негромко переговаривались между собой. Третьего, который шел позади, Стинов не видел. Но, наверное, он, как и эти двое, устал крутить дубинку в руках и повесил ее на пояс. Теперь, если бы у Стинова возникло желание бежать, шансы на успех были бы неплохими. Но даже если побег удастся, что делать потом? У Стинова не было ни друзей, ни близких родственников – ни одного человека, который согласился бы спрятать его. Поэтому он покорно следовал за комендантами в надежде узнать, в чем конкретно хотят его обвинить.

Они миновали здание Архивного отдела, в котором работал Стинов, прошли мимо пассажирского лифта и свернули налево. Проход вывел их к зданию главной комендатуры сектора. Стинова провели по узкому ярко освещенному коридору, стены которого были выкрашены в грязно-серый цвет, и, ничего не объясняя, втолкнули в комнату.

В комнате с большим голографическим окном, пейзаж за которым имитировал морской берег, находились двое. За столом, откинувшись всем своим грузным телом на спинку кресла и сложив руки на распирающем форменный френч животе, сидел старший комендант сектора. Стинов не раз видел его круглое, одутловатое лицо в выпусках новостей. В человеке, стоявшем у него за спиной, Стинов узнал инструктора, обучавшего стрельбе людей в секторе Ломоносова. Сейчас он был одет не в спортивный костюм, а в зеленый френч коменданта, но глаза его закрывали те же темные очки с зеркальными стеклами в тонкой металлической оправе.

Стинов с удивлением отметил, что не чувствует страха, хотя испугаться, наверное, стоило. Объявившаяся в нем новая личность в зародыше подавила страх, который мешал правильно оценивать ситуацию. Одно было ясно наверняка – расклад сил был не в его пользу. Но на его стороне было то, что никто не считал его серьезным противником. Даже тип в темных очках скорее всего думал, что в сгоревшем секторе парню просто чертовски повезло.

Минуту или чуть дольше старший комендант молча изучал лицо Стинова. Игорь по-прежнему умело изображал до одурения наевшегося эфимера кретина. Чтобы его не выдал размер зрачков, он прятал глаза под полуопущенными веками.

Старший комендант лениво протянул руку с короткими, толстыми пальцами.

– Давай удостоверение, – голос у него был высоким и писклявым.

Порывшись для видимости в карманах, Стинов достал удостоверение и, сделав два шага вперед, положил пластиковую карточку на стол.

Комендант взял удостоверение и небрежным жестом указал Стинову на металлический стул с неудобной низкой спинкой, стоявший посреди комнаты. Стинов аккуратно присел на самый краешек стула и задрал голову к потолку.

– Игорь Стинов, – прочитал на удостоверении комендант и провел карточкой по щели контрольного идентификатора.

Оставшись доволен проверкой, он положил удостоверение на стол и перевел взгляд на Стинова.

– Перестань пялиться в потолок! – визгливо крикнул он. – Смотри на меня!

Демонстративно вздрогнув, Стинов перевел взгляд на багровую физиономию старшего коменданта.

Приподняв голову, старший комендант покосился на того, кто стоял позади него.

– Это он?

Человек в темных очках неопределенно пожал плечами.

Комендант достал из стола два фотоснимка и бросил их через стол Стинову.

– Узнаешь?

Стинов взял фотографии. На них были лица Марти и Карелы, снятые крупным планом. Мертвые, с закрытыми глазами.

– Это мои соседи, – сказал Стинов, возвращая фотографии. – Марти Турин и Карела, его подруга.

– Как они тебе нравятся в таком виде? – похлопав сложенными вместе фотографиями по столу, спросил комендант.

– При жизни они выглядели лучше, – ответил Стинов.

Он глядел на старшего коменданта, но все время чувствовал на себе тяжелый, изучающий взгляд из-под темных очков.

– И ты не хочешь узнать, что с ними случилось? – спросил старший комендант.

Прежде чем ответить, Стинов выдержал паузу в несколько секунд, изображая тупое раздумье.

– Отчего же, конечно, интересно, – произнес он ничего не выражающим голосом.

Подавшись вперед, старший комендант навалился грудью на стол и сообщил доверительным тоном:

– Нажрались нелегального эфимера и решили покататься на крыше лифта. Их нашли раздавленными на дне шахты. И кажется мне, что тебя ожидает та же судьба.

– Я езжу только в кабине лифта, – ответил Стинов. – И употребляю только разрешенный эфимер.

– Глядя на тебя, этого не скажешь, – усмехнулся комендант. – Сколько пастилок ты сжевал перед сном?

– Три, – не очень уверенно ответил Стинов.

– А если хорошенько подумать? Ты же не можешь даже взгляд сфокусировать в одну точку.

– Пять.

– Вот это уже похоже на правду.

Комендант расслабился и снова откинулся на спинку кресла.

– У тебя дома нашли упаковку нелегального эфимера, – как бы между прочим сообщил он.

– Это не мое, – покачал головой Стинов.

– А кто это может подтвердить? Может быть, кто-то дал тебе его на хранение? Назови имя.

– Я не знаю, откуда в моей комнате появился нелегальный эфимер, – скучающим голосом ответил Стинов.

Он никак не мог взять в толк, с какой целью ведется этот пустой разговор. Теперь, когда перед ним стоял инструктор в темных очках, не оставалось никаких сомнений в том, что его арест связан с происшествием в выгоревшем секторе. Чего же они тянут? Почему не переходят к интересующей их теме? Ждут, что он сам обо всем расскажет?

Постучавшись, в дверь вошел комендант – один из тех, что остались в комнате Стинова. В руках он держал черный пластиковый пакет.

– Есть что-нибудь?

Вопрос задал не старший комендант, а тот, кто стоял за его спиной.

Комендант протянул пакет.

Инструктор заглянул в пакет, и губы его изогнулись в злорадной усмешке. Он обогнул стол и медленной, неторопливой походкой уверенного в себе человека подошел к Стинову. Остановившись, он широко расставил ноги, заложил руки за спину и сверху вниз посмотрел на Стинова.

– Не хочешь рассказать нам, зачем ты со своими приятелями забрался вчера в сектор Ломоносова? – насмешливым тоном поинтересовался он.

– В сектор Ломоносова? – вполне натурально изобразил удивление Стинов. – Я никогда там не был.

– Не старайся выглядеть тупее, чем ты есть на самом деле, – развернувшись на каблучках, инструктор вернулся на свое место за спинкой кресла старшего коменданта. – Мне нужно знать, кому ты рассказывал о своей прогулке.

– Я не был в секторе Ломоносова, – повторил Стинов. – А Марти в последний раз я видел вчера утром в ванной.

Инструктор будто и не услышал его слов.

– Судя по тому, что мы нашли, вы решили поразвлечься, устроив обед в экзотическом месте, – сказал он. – Ты, Стинов, убил двух человек, которые могли бы опознать тебя. Но был еще третий, который, правда, видел тебя только со спины. Но это он запомнил.

Очкастый достал из пакета куртку спортивного костюма Стинова и, встряхнув, расправил ее так, чтобы была видна надпись на спине: «Сфера стабильности – навсегда».

– Кстати, она до сих пор воняет гарью. Нужно было сразу выстирать.

Стинов понял, что отпираться дальше не имело смысла. Возможно, ему и удастся убедить инструктора в том, что он никому не рассказывал о том, что видел, да только в его судьбе это уже ничего не меняло. Завтра, послезавтра, а может быть, через неделю, его тело найдут в шахте лифта.

Стинов медленно поднялся на ноги и сделал шаг к столу.

– Можно мне забрать удостоверение? – спросил он у старшего коменданта.

– Да ради бога, – усмехнувшись, развел руками тот.

Стинов взял удостоверение и сунул его в карман. Повернувшись, чтобы снова сесть на стул, он вдруг оступился и, потеряв равновесие, зацепил плечом коменданта, который принес пакет с костюмом. Чтобы удержаться на ногах, он обхватил коменданта за пояс.

В следующий миг, оттолкнув коменданта в сторону, Стинов сорвал с его пояса дубинку и наотмашь ударил коменданта по лицу. Комендант вскрикнул и схватился руками за лицо. Между пальцами появилась кровь, сочившаяся из рассеченной брови.

Явно не ожидавший такого поворота событий, инструктор потерял пару секунд. Когда же он перепрыгнул через стол, Стинов уже выбежал за дверь. Еще на пару секунд инструктора задержало то, что на пути его оказался ошалевший от боли комендант с разбитым лицом.

Дежуривший в коридоре комендант даже не успел схватиться за дубинку, когда вылетевший из комнаты Стинов ударил его в живот и оттолкнул к стене. Путь к выходу был свободен, но прежде чем бежать, Стинов высадил стекла в дверях по обе стороны коридора. Дубинка в его руке вертелась так ловко, что и опытные коменданты могли бы позавидовать. Стинов и сам не понимал, как это у него получается. Тело его словно действовало само по себе, вспоминая когда-то давно приобретенные навыки.

Он бежал к выходу, а позади него хлопали двери и раздавались крики. На шум из комнат выскакивали все новые, не понимающие, что происходит, коменданты. В коридоре возник затор, сквозь который тщетно старались пробиться инструктор в темных очках и двое помогавших ему комендантов.

Оказавшись на улице, Стинов кинулся в центральный проход. Ночные улицы были пусты, что прибавляло ему шансов на успех, давая возможность маневрировать почти не снижая скорости. Добежав до лифта, он с ходу ударил ладонью по клавише вызова. Глухо заурчав,

заработал подъемный механизм. Стинов стоял, прислонившись спиной к двери лифта. Через несколько секунд в центральном проходе должны были появиться коменданты. Если кабина лифта находится слишком далеко, они окажутся рядом, прежде чем откроется дверь.

Стинов спиной почувствовал, как отходит в сторону дверь лифта. И одновременно с этим из-за угла выбежали двое комендантов. Запрыгнув в кабину лифта, Стинов сунул удостоверение в контрольную щель. Лифт поблагодарил его и начал перечислять сектора, в которые он имел доступ.

– Вниз! Вниз давай! – закричал Стинов и, вскинув дубинку, отвел в сторону удар первого добежавшего до лифта коменданта.

Ответный удар пришелся коменданту по скуле, и он, мотнув головой, отшатнулся в сторону. Его напарник попытался задержать закрывающуюся дверь рукой, но Стинов с оттяжкой ударил его дубинкой по предплечью, а затем пнул ногой в живот.

Дверь лифта захлопнулась, отгородив Стинова от преследователей. Кабина вздрогнула и, набирая скорость, понеслась вниз.

Стинов привалился спиной к стене и медленно сполз по ней на пол.

Глава 3

Судьба, затянутая в узел

Едва только в бесконечной череде стремительно сменяющих друг друга событий возникла короткая пауза, как тотчас же из небытия всплыло привычное, повседневное сознание Стинова. Та его часть, что заставила его броситься в бой и вела, вопреки разуму и здравому смыслу, к цели, которой не существовало, не канула в небытие, но временно незаметно отошла на второй план, освободив место смятению и ужасу от содеянного, что тотчас же наполнили душу человека. Ему удалось ускользнуть от смертельной опасности, но надолго ли? Он осмелился бросить вызов Комендантскому отделу, одному из самых крупных и влиятельных в Сфере, контролирующему большую часть жилых секторов. У него теперь не было ни дома, ни работы, ни средств к существованию. И самое главное – он оставался в безопасности лишь до тех пор, пока двигалась кабина лифта и оставались закрытыми ее двери.

Стинов приказал лифту ехать вниз, не думая о том, куда направляется. Но бессознательно он сделал правильный выбор. Внизу, почти у самого основания Сферы, располагались Промышленная и Сельскохозяйственная зоны, не подконтрольные Комендантскому отделу. Но даже там не встретят с распростертыми объятиями беглеца без гроша в кармане. Перенаселенность, вынужденное обитание в плотно набитых коробках, разделенных на секции тонкими перегородками, сделало людей подозрительными и агрессивными. Чужаков не любят нигде, потому что они становятся лишними претендентами в борьбе за свободное пространство и место под осветительными панелями. На кредитной карточке Стинова денег почти не оставалось. Однако у него имелось нечто более ценное – секретная информация о проводимых Комендантским отделом испытаниях запрещенного в Сфере огнестрельного оружия. За такие сведения могли убить, но их можно было и выгодно продать – нужно было только найти человека или организацию, которых это могло заинтересовать. Но на поиск требовалось время, которого у него как раз-то и не было.

– Где мы сейчас? – спросил Стинов.

– Сельскохозяйственная зона, – ответил информат лифта. – Сектор Мичурина.

Спускаться дальше не имело смысла. Ниже Сельскохозяйственной зоны находился только сектор с реакторами силовых установок, обеспечивающими энергией поле стабильности. Для того чтобы попасть туда, нужен специальный пропуск Совета сохранения стабильности.

– Остановись, – приказал Стинов лифту.

– Сектор Мичурина, третий уровень Сельскохозяйственной зоны, – сообщил лифт, открывая двери.

Выйдя из кабины лифта, Стинов оказался в узком пластиковом пенале с прозрачными, чуть затемненными стенками и низким, едва не падающим на голову потолком. По другую сторону перегородки залитые ярким светом бестеневых софитов тянулись кажущиеся бесконечными плотные ряды ровных грядок с невысокими зелеными кустиками какой-то овощной культуры. В двух шагах от дверей лифта стоял легкий раскладной столик – плоскость на тонких ножках. За столом сидели двое молодых, крепких парней в коротких светло-голубых куртках с эмблемами Информационного отдела на карманах – три пересекающихся золотых кольца на черном фоне.

– Так-так, – произнес один из них, беря в руки электрошокер на длинной рукоятке, что лежал перед ним на столе. – И кто же это к нам пожаловал? Что за гость такой?

Голос второго был менее приветливым:

– Для входа в Сельскохозяйственную зону необходима отметка бюро пропусков Информационного отдела в удостоверении личности, – сообщил он. – Если у тебя ее нет – можешь проваливать.

– Отметки у меня нет, – честно признался Стинов.

– А дубинка у тебя откуда? – спросил его первый, который был поприветливее.

Его внешняя доброжелательность объяснялась только тем, что он отсидел на вахте уже несколько часов, изрядно утомился скукой и хотел поболтать с незнакомцем, прежде чем выставить его из сектора.

– Эта? – Стинов приподнял резиновую дубинку, которую держал в руке. – С комендантами подрался.

Он признался в содеянном легко, без каких-либо опасений. О том, что между двумя самыми большими и влиятельными кланами Сферы – Информационным и Комендантским отделами – идет скрытая, но от этого не менее жестокая борьба за раздел зон влияния, знали даже дети. Комендантский отдел ориентировал свое основное внимание на жилых секторах. Информационный, помимо всего, что связано со средствами связи и обработки информации, для чего, собственно, он и был в свое время создан, успел подобрать под себя Сельскохозяйственную зону и большую часть секторов, в которых располагались научно-исследовательские лаборатории.

– И что же послужило причиной ссоры? – поинтересовался мрачный информационник.

Стинов оставил вопрос без внимания.

– Я хотел бы встретиться с кем-нибудь из руководства Информационного отдела, – с вызовом заявил он.

– Если ты рассчитываешь получить убежище, то зря стараешься, – сказал охранник. – У нас хватает проблем со своими нарушителями порядка. Так что лучше будет, если ты сам отсюда уберешься.

– У меня имеется информация, которая может заинтересовать руководство вашего отдела.

– Тебе, наверное, известно, сколько банок пива выпивает за ужином старший комендант твоего сектора? – усмехнулся доброжелательный охранник.

– Это очень важная информация... – начал было Стинов.

– Послушай меня внимательно, – перебил его другой охранник. – Нажми кнопку вызова лифта и исчезни с глаз моих долой. Если через тридцать секунд ты все еще будешь здесь, я вызову патруль.

– Можешь сделать это прямо сейчас, – решительно заявил Стинов.

– Я тебя предупредил, – устало вздохнул охранник и развернулся к стойке терминала инфо-сети.

Набрав сообщение, он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и уставился на Стинова.

Переминаясь с ноги на ногу, Игорь ждал, что произойдет дальше. Руки он держал за спиной, сжав ладонями концы дубинки.

Дверь лифта за его спиной раскрылась, и из нее вышли трое охранников.

– Этот? – указав на Стинова, спросил один из них.

Охранник за столом лениво кивнул.

Двое человек схватили Стинова за плечи. Третий, оказавшийся за спиной, вырвал из его рук дубинку и защелкнул на запястьях наручники.

Не говоря ни слова, охранники втолкнули Стинова в лифт. Один из них провел по контрольной щели универсальной карточкой, позволяющей провозить в лифте неограниченное число пассажиров, и назвал место назначения:

– Сектор Эйнштейна.

Стинов облегченно вздохнул.

Никогда прежде ему не доводилось бывать в секторе Эйнштейна, хотя это и был обычный жилой сектор со стандартной планировкой. Единственное его отличие от остальных заключалось в том, что в секторе Эйнштейна располагалось правление Информационного отдела. Когда в сопровождении охранников Стинов ехал на ленте движущегося тротуара, он с некоторым удивлением отметил, что центральный проход сектора Эйнштейна был чист и ухожен, а на стенах зданий отсутствовали намалеванные краской призывы и лозунги, являвшиеся неотъемлемыми атрибутами пейзажа любого жилого сектора.

Они вошли в подъезд четырехэтажного здания, выходящего фасадом в центральный проход. Один охранник сразу же куда-то исчез. Двое других провели Стинова по длинному коридору и втолкнули в маленькую комнатку без окон, в которой не было ничего, кроме узкой кровати, застеленной серым одеялом. Здесь охранники быстро обыскали Стинова, забрав все имевшиеся у него документы. Стинов не сопротивлялся, полагая, что после обыска его начнут допрашивать. Однако, сняв с задержанного наручники, охранники, так и не сказав ни слова, вышли из комнаты.

Хлопнула дверь, щелкнул запертый замок, и Стинов остался в одиночестве.

Сделав пару кругов по камере, Стинов лег на кровать. Приподняв повыше подушку, он положил голову на согнутый локоть правой руки и прикрыл глаза. Он безмерно устал, но нервное возбуждение, усиленное неопределенностью положения, в котором он оказался, не давало уснуть. Почему его заперли в одиночке? Чего он здесь ждет? Вызова к руководству Информационного отдела или же комендантов, которые придут, чтобы забрать беглеца?

Кроме того, два момента, ускользавшие от понимания, беспокоили и даже в какой-то степени пугали Стинова.

Первый касался той части его сознания, что уже дважды проявляла себя в критических ситуациях. Тело его было неплохо сложенным, но атлетом он себя не считал. Спортивный зал посещал редко, обычно не по собственной инициативе, а за компанию с кем-нибудь из сослуживцев. Но, не имея абсолютно никаких навыков рукопашного боя, он дважды сумел выйти победителем из схваток с комендантами, превосходившими его как числом, так и умением. Случайностью назвать это было трудно, особенно если вспомнить то, как ловко обращался он с дубинкой, которую впервые в жизни держал в руках.

Второй момент был связан с появлением таинственного монаха-геренита и с тем, что каким-то непонятным образом о происшествии в секторе Ломоносова стало известно старику-соседу.

Орден геренитов контролировал сектор Паскаля. Прежде это был обычный жилой сектор, и, помня об этом, Комендантский отдел пару раз пытался взять его под свой контроль. Но каждая такая попытка заканчивалась кровавой резней. Проповедующие мир и любовь монахи-герениты, как выяснилось, умели неплохо обращаться с оружием. А организованность и выучка комендантов не смогли противостоять тотальному фанатизму монахов и их презрению к смерти. Орден геренитов не так явно, как Комендантский и Информационный отделы, но исподволь также стремился к расширению своего влияния в Сфере. Миссионеры и приверженцы церкви понемногу расползались по зонам, соседствующим с сектором Паскаля, и остановить это движение было невозможно.

Удивительным было не то, что монах-геренит наблюдал за тайными учениями комендантов, а то, что он, рискуя выдать себя, решил помочь Стинову. А старик-сосед, упомянув посланца Провидения, явно дал понять Стинову, что ему известно о встрече с монахом.

Клацнул дверной замок.

В комнату вошел высокий широкоплечий блондин примерно одного с Игорем возраста. На нем был легкий полуспортивный костюм изумрудно-зеленого цвета. На груди – крошечный

золотистый значок с эмблемой Информационного отдела. В одной руке блондин держал стул, подхватив его за спинку, в другой – светло-серый планшет электронного блокнота.

При его появлении Стинов моментально вскочил с кровати.

Блондин поставил стул, сел на него, положил на колени электронный блокнот и смерил Стинова откровенно изучающим взглядом.

– Я вижу, отдохнуть вам так и не удалось? – спросил он после паузы.

– Надеюсь, у меня для этого еще будет время, – натянуто улыбнулся Игорь.

– Вы, должно быть, оптимист, – блондин растянул уголки губ в стороны, изображая ответную улыбку. – Я бы не хотел оказаться на вашем месте.

– Это я только хочу выглядеть бодрячком, – смутился Стинов.

– Есть хотите? – спросил блондин.

– Если это возможно, предпочел бы сначала разобраться с делами.

– Мне нравится ваш подход, господин Стинов, – одобрительно наклонил голову блондин. Коснувшись указательным пальцем кнопки на торцевой части электронного блокнота, он включил запись. – Меня зовут Петр Медлев. Я представляю службу безопасности Информационного отдела.

– Очень рад, что мое заявление наконец-то воспринято всерьез, – кивнул в ответ Стинов.

– Ну, допустим, пока еще никакого заявления не было, – Медлев откинулся на спинку стула и, придерживая рукой электронный блокнот, положил ногу на ногу. – Проверив ваши документы, мы установили, что час назад Комендантский отдел объявил вас в тотальный розыск. И это пока все.

– Совершенно случайно... – от волнения Стинов запнулся, и прежде чем продолжить, кашлянул в кулак. – Совершенно случайно, – начал он снова, – я стал свидетелем события, которое высшее руководство Комендантского отдела намерено любой ценой сохранить в секрете. В данном случае такой ценой стала моя жизнь. Обо всем, что знаю, я готов рассказать руководству Информационного отдела в том случае, если в обмен мне будут гарантированы жилье и работа в любом из секторов, находящихся под вашим контролем.

– Это все? – спросил Медлев, внимательно выслушав Стинова.

Голос его был спокойным, лицо абсолютно ничего не выражало.

– Пока все, – ответил Стинов. – Остальное я расскажу только после того, как получу соответствующие гарантии.

– В таком случае ответь мне еще на один вопрос, – поставив обе ноги на пол и положив локти на крышку электронного блокнота, Медлев чуть подался вперед. – Кто ты такой?

Медлев смотрел в глаза Стинову не более десяти секунд – этого было довольно, для того чтобы его собеседник смог почувствовать и осознать всю свою ничтожность. Медлев не стал дожидаться Стинова. Он снова выпрямился и небрежно закинул ногу на ногу.

– Нам про тебя все известно, – сказал он. – Всю свою жизнь ты проработал рядовым исполнителем в Архивном отделе. У тебя нет ни друзей, ни даже просто случайных знакомых во властных структурах Комендантского отдела. Откуда ты мог получить информацию, о которой твердишь? Логичнее предположить, что ты просто повздорил из-за какой-то ерунды с комендантами, подрался с ними, а теперь, пытаясь избежать ответственности за содеянное, выдумал историю о секретной информации, которой ты якобы обладаешь, – Медлев сделал короткую паузу. Он не давил на Стинова – в этом уже не было нужды, – а всего лишь констатировал факты. – Ты не сказал еще ничего, что могло бы нас заинтересовать, а уже выдвигаешь собственные условия. Если ты намерен продолжать в том же духе, то я не стану с тобой разговаривать и уйду. После этого не пройдет и полчаса, как за тобой явятся коменданты, и ты сможешь поведать свою невероятную историю им. Если же тебе действительно есть что сказать, выкладывай все, что знаешь. Я могу тебе обещать только то, что если достоверность твоей информации после тщательной проверки будет подтверждена и выяснится, что она дей-

ствительно представляет для нас какой-то интерес, то это будет учтено при определении твоей дальнейшей судьбы. Я все сказал. Дальше думай сам.

Медлев с предельной откровенностью изложил возможные перспективы. Выслушав его, Сتيнов понял, что выбора у него нет. И он стал говорить.

Свой рассказ он начал с того момента, когда Марти предложил ему совершить прогулку в выгоревший сектор Ломоносова. Он говорил долго и подробно, стараясь не упустить никаких деталей. Умолчал он только о странных словах старика-соседа, сказанных им, когда его уводили коменданты. Закончил он свою историю тем, как, спасаясь от комендантов, оказался в падающем вниз лифте.

Медлев слушал его внимательно, не перебивая. Когда Сتيнов закончил, информационник попросил его подробно описать инструктора и оружие, которым пользовались упражнявшиеся в стрельбе люди. Про пистолеты Сتيнов ничего определенного сказать не смог, поскольку видел их только издалека. А вот инструктора описал подробно и точно. После чего Медлев открыл электронный блокнот, набрал код входа и развернул планшет экраном к Сتيнову.

– Это он?

С экрана на Сتيнова смотрело знакомое лицо инструктора, обучавшего комендантов стрельбе из пистолетов, только на фотографии он был без очков.

– Он, – уверенно кивнул Сتيнов.

– Отлично, – Медлев захлопнул планшет и, подхватив его под мышку, поднялся на ноги.

Подойдя к двери, он негромко стукнул в нее согнутым пальцем. Дежуривший в коридоре охранник отомкнул замок. Передав охраннику стул, Медлев обернулся.

– Я скажу, чтобы тебе принесли электронный блокнот и каталог книг из центральной библиотеки, – сказал он Сتيнову. – Если не можешь спать, повышай свой культурный уровень. Не скучай, я скоро снова к тебе зайду.

Покинув комнату, в которой был заперт Сتيнов, Медлев поднялся на этаж выше. Заняв бокс в кабинете службы оперативной информации, он в течение часа проверял то, что ему рассказал Сتيнов. Результаты проверки заставили его задумчиво прикусить губу. После недолгих раздумий Медлев распечатал некоторые документы, сложил их в планшет электронного блокнота и снова вышел в коридор.

На этот раз путь его лежал на третий этаж, в кабинет первого помощника руководителя Информационного отдела.

Миновав внушительных размеров приемную с двумя секретаршами и пятью охранниками, он оказался в небольшой комнате, обставленной более чем аскетично, – стол с терминалом инфо-сети, три полумягких кресла и занимающий всю стену стеллаж, часть секций которого были закрыты гофрированными жестяными шторами. Никаких украшений, никаких голографических картин, ни даже шторок, имитирующих окно, в кабинете не было.

В комнате находились двое.

За столом сидел первый помощник руководителя Информационного отдела Марат Шалиев. На нем был дорогой, но не броский темно-синий костюм. На вид ему можно было дать лет сорок или чуть больше – что соответствовало действительности. В густых каштановых волосах серебрились редкие пряди седых волос. Выражение лица, на котором выделялись большой, тонкий нос с горбинкой и густые черные брови, сходящиеся у переносицы, было спокойным и уверенным. Сам руководитель отдела Герхард Бермер прочил Шалиева в свои преемники. Будучи человеком далеко уже не молодым да к тому же еще и больным, Бермер последние два-три года фактически только представлял свой отдел в Совете сохранения стабильности. Все же властные структуры Информационного отдела находились в руках его первого помощника.

Второй сидел сбоку от стола, вжавшись в спинку кресла. На нем был серый костюм в мелкий рубчик. И сам он был весь какой-то маленький, ростом чуть более полутора метров, серый и неприметный. Одна его рука свисала, перекинута через подлокотник кресла, другая была засунута глубоко в карман. Это был шеф службы безопасности Информационного отдела Гетри Стоянович. В свое время поговаривали, что после смерти Бермера руководителем отдела может стать он. Однако с появлением рядом с Бермером молодого и энергичного Шалиева разговоры эти заметно поутихли.

Увидев вошедшего, Шалиев приподнялся из-за стола и протянул ему руку.

– Рад вас видеть, Медлев.

– Добрый день, господин Шалиев, – Медлев неторопливо и с достоинством пожал протянутую ему руку.

Стояновичу, который являлся его непосредственным руководителем, Медлев только сухо кивнул. Стоянович в ответ даже бровью не повел – он держал дистанцию с подчиненными.

– Присаживайтесь, Медлев, – указал на свободное кресло Шалиев.

– Благодарю.

Медлев сел. Спина его при этом осталась прямой.

– Я проверил информацию, сообщенную перебежчиком из комендантской зоны, – начал докладывать он.

– Напомните, как его фамилия? – перебив его, шелкнул пальцами Шалиев.

– Стинов, – сказал Медлев. – Игорь Стинов.

Шалиев сделал отметку в лежащей перед ним записной книжке и подал Медлеву знак, что он может продолжать.

– Официально Стинов обвиняется комендантами в хранении нелегального эфимера и нападении на патрульных, – сказал Медлев.

Сидя в своем кресле, Стоянович иронично хмыкнул.

– И только по этой причине они объявили его в тотальный розыск? – произнес он ехидно. – Таких, как он, злодеев в Сфере пруд пруди. Если начать задерживать каждого, кто употребляет нелегальный эфимер, то придется арестовать не меньше трети всего населения.

– Совершенно верно, – наклонив голову, согласился с ним Медлев. – Определенно Стинов интересуется комендантов по какой-то иной причине, которую они тщательно скрывают. Но ищут они его очень старательно. Был даже сделан запрос в Транспортный отдел относительно регистрации всех его передвижений по Сфере. Но то, что он спустился в сектор Мичурина, транспортники засечь не успели. Кстати, по внешнему виду Стинова и его поведению я бы не сказал, что он имел особое пристрастие к эфимеру.

– А вообще какое мнение у вас о нем сложилось? – спросил Шалиев.

Медлев ненадолго задумался.

– Стинов – человек довольно ограниченных интересов, – сказал он. – Его, как мне кажется, интересует в первую очередь только собственное благополучие. Жилье, безопасность и стабильный доход – вот и все, что ему нужно.

– Что удалось узнать по делу? – спросил Стоянович.

– Стинов утверждает, что был свидетелем подготовки боевых отрядов комендантов, – ответил Медлев.

– Тоже мне новость, – криво усмехнулся Стоянович.

– Коменданты были вооружены огнестрельным оружием.

В комнате повисла напряженная тишина.

Первым нарушить ее решил Шалиев.

– Этого не может быть, – произнес он негромко.

– Я бы не стал говорить это с такой уверенностью, – процедил сквозь зубы Стоянович.

– Удалось установить личность инструктора, проводившего занятия стрельбой в секторе Ломоносова. – Медлев достал из планшета фотоснимок и положил его на стол. – Стинов опознал его.

Взглянув на фотографию, Стоянович удивленно приподнял бровь.

– Юзас Галкин, – сказал он, передавая снимок Шалиеву. – Тот самый маньяк, который обращался к нам полгода назад, предлагая создать боевой отряд, вооруженный огнестрельным оружием.

– Выходит, получив отказ у нас, он нашел поддержку у комендантов, – сказал Шалиев.

Подождав какое-то время и не услышав новых вопросов или замечаний, Медлев продолжил доклад:

– Соседи Стинова, которые, по его словам, находились вместе с ним в секторе Ломоносова, по официальной версии комендантов, были найдены мертвыми в шахте лифта. Несчастный случай, связанный с передозировкой нелегального эфимера.

– Излюбленный прием комендантов, когда нужно избавиться от свидетелей, – усмехнувшись, прокомментировал Стоянович.

– И произошел этот «несчастный случай» именно в тот самый день, когда Стинов сбежал из зоны Комендантского отдела, – добавил Медлев.

– Что собой представляла эта парочка? – спросил Шалиев.

– Полнейшее ничтожество. Мартин Турин, сосед Стинова, работал подсобным рабочим на складах Производственной зоны. Дважды попадал в лечебницу в состоянии шока от передозировки эфимера. Его подружка, Карела Пассос, перебивалась случайными заработками.

– Никаких связей со спецслужбами?

– Абсолютно.

– А у Стинова?

– Также ничего не удалось обнаружить.

– Где сейчас находится Стинов? – спросил Стоянович.

– В отделении для временно задержанных.

– Переведи его в бункер, – приказал шеф службы безопасности. – И жди дальнейших распоряжений.

– Я могу быть свободен? – спросил Медлев.

Стоянович молча кивнул.

Медлев вопросительно взглянул на Шалиева.

– Можете идти, Медлев, – сказал тот. – Спасибо за работу.

Когда за Медлевым закрылась дверь, Шалиев повернулся к Стояновичу:

– Ну, что скажете, Гетри?

– Именно то, что вся эта история звучит чудовищно неправдоподобно, убеждает меня в том, что она не придумана, – сказал шеф безопасности.

– Серьезно? – удивленно поднял бровь Шалиев.

– Если бы парень участвовал в затеянной комендантами игре, то, несомненно, рассказал бы нам что-нибудь более складное и убедительное, – закинув руки за голову, Стоянович с наслаждением потянулся всем своим маленьким телом. – Придется заняться этим делом всерьез.

– Да уж, – кивнул Шалиев. – Появление в Сфере огнестрельного оружия чревато далеко идущими последствиями.

– Оружие будет уничтожено, – уверенно пообещал Стоянович. – И, уверяю вас, коменданты глубоко пожалеют, что связались с Галкиным. Ну, а что касается Стинова...

– Что делать со Стиновым, я сам вам скажу, – властно перебил шефа безопасности Шалиев.

Стойнович бросил на Шалиева быстрый, ненавидящий взгляд, который не остался незамеченным.

– Зачем вам нужен лишний свидетель? – сквозь зубы процедил Стоянович.

– Стины от нас теперь уже никуда не денется, – сказал Шалиев. – Тем, что ему случайно стало известно, он оказался связан по рукам и ногам. Так почему же не использовать его по полной программе?

– Каким образом? – мрачно поинтересовался Стоянович.

– Есть у меня на этот счет одна задумка, – Шалиев лукаво улыбнулся и игриво погрозил своему собеседнику пальцем. – Только вам, Стоянович, я этого не скажу. Иначе вы меня опередите. А мне бы очень этого не хотелось.

Все это могло бы сойти за шутку, если бы не затаенная ненависть во взглядах обоих собеседников.

Глава 4

Хищники

Медлев вывел Стинова из здания – впервые с того самого дня, как Игорь оказался в секторе Эйнштейна.

– Куда мы направляемся? – спросил Стинов.

– К новому месту жительства, – ответил Медлев.

– Это следует расценивать как проявление особого доверия или наоборот? – несколько иначе сформулировал вопрос Стинов.

– Время покажет, – последовал более чем неопределенный ответ.

О том, что нет смысла задавать дальнейшие вопросы, догадаться было несложно.

Руки у Стинова на этот раз не были скованы наручниками, что, впрочем, ровным счетом ничего не значило, – бежать, не имея при себе удостоверения личности и кредитной карточки, было бы полнейшим безумием.

Медлев со Стиновым так долго ехали на ленте движущегося тротуара, что, должно быть, добрались до самого конца центрального прохода сектора. Сойдя на неподвижную полосу тротуара, они свернули налево и вскоре оказались в тупике, зажатом между двумя высокими серыми зданиями, подпирающими крышами плиту перекрытия между секторами. Медлев нажал кнопку звонка рядом с тяжелой, металлической дверью. Из открывшейся круглой ячейки выдвинулся и устоялся на визитеров «глазок» телекамеры. Через минуту дверь открылась, ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель можно было протиснуться боком. Как только Стинов, а следом за ним и Медлев вошли, дверь сразу же захлопнулась. Стоявший за ней человек повернул штурвал тяжелого ручного запора.

Ярко освещенный коридор, в котором они оказались, тянулся в двух направлениях. Медлев указал налево. Они миновали не меньше десятка дверей, из-за которых не доносилось ни звука. Вокруг царила такая глубокая тишина, что казалось, кроме них двоих в здании больше нет ни одного живого существа. Остановившись возле одной из дверей, Медлев открыл ее электронным ключом и жестом пригласил Стинова войти. Комната, в которой они оказались, была значительно больше той, в которой Стинов прежде коротал дни. Кроме кровати, здесь был еще стол, два стула и даже терминал инфо-сети, который, впрочем, как позднее выяснил Стинов, был отключен. Слева от входа находилась дверь, ведущая в туалетную комнату, в которой, кроме туалета, имелась небольшая ванная с душем.

– Это комната для гостей, – сделал необходимое, как ему казалось, пояснение Медлев.

– Для таких, как я? – не удержался от язвительного замечания Стинов.

– Не только, – коротко, не вдаваясь в подробности, ответил Медлев. – Здесь тебе придется провести два-три дня.

– А потом?

В ответ на этот наивный вопрос Медлев только снисходительно улыбнулся и направился к двери.

– Я буду заходить к тебе, – обернувшись, сказал он.

Изображая радушного хозяина, Стинов приветливо взмахнул руками:

– В любое время!

Два дня и две ночи провел Стинов на новом месте.

Никогда еще он не читал так много, как в эти дни вынужденного одиночества. Не то чтобы прежде у него на это не хватало времени, а просто всегда находилось какое-нибудь занятие, требующее значительно меньшего напряжения умственных способностей, а потому и кажущееся более привлекательным. Медлев, который, как на прежнем месте, так и теперь,

исправно заходил к нему дважды в день, добросовестно снабжал Стинова мнемо-чипами с записями книг, который тот выбирал по каталогу центральной библиотеки. Порою, когда у Медлева выдавалось несколько минут свободного времени, он не отказывался и обсудить со Стиновым только что прочитанную им книгу.

Ни о чем другом, кроме книг и, собственно, дела, из-за которого Стинов оказался в заперти, они больше не разговаривали. Понимали они друг друга буквально с полуслова и, наверное, могли бы подружиться, если бы не роли надзирателя и заключенного, которые им приходилось исполнять.

За все это время Стинов сжевал только одну пастилку эфимера – сразу после того, как Медлев вернул ему конфискованную при аресте упаковку. Привычная легкость, сопровождаемая слабым, едва заметным головокружением и зыбкостью очертаний окружающих объектов, вместо того чтобы снять напряжение, спровоцировала почему-то появление ощущения глухого раздражения. Стинову стало казаться, что он сделал что-то не так, допустил какую-то непорядочную ошибку.

Вечером Стинов совершенно спокойно заснул без эфимера и с тех пор больше не прибегал к помощи галлюциногенных пастилок.

Утром третьего дня за ним явился Медлев. Одет он был не в обычный свой полуспортивный костюм, который изо дня в день только цвет менял, а в полевую форму грязно-зеленого цвета с наплывающими друг на друга черными и серыми разводами.

– Куда это ты так вырядился? – удивленно посмотрел на него Стинов.

– Скоро узнаешь. – Медлев указал на дверь: – Пойдем.

Пройдя по коридору в другой конец здания, они вошли в большой, ярко освещенный зал. Одна стена зала была занята узкими шкафчиками с металлическими дверцами. По центру тянулись два ряда низких скамеек, на которых сидели человек двадцать мужчин. На каждом из них была такая же, как и у Медлева, полевая форма, дополненная серьезной боевой экипировкой. У каждого на поясе висел большой широколезвенный нож, а возле ног, прислоненные к краю скамейки, стояли электрошокеры с длинными рукоятками и резиновые дубинки, как у комендантов. Кроме того, у многих на перекинутых через плечи ремнях были закреплены короткие металлические дроты и звездочки-сюрикены разнообразных размеров и форм. Имелись и другие типы холодного оружия, зачастую настолько причудливые на вид, что о способе их применения можно было только догадываться.

Медлева находившиеся в зале приветствовали как старого знакомого. На Стинова смотрели с любопытством, словно на диковинку, но ни о чем его не спрашивали.

Петр Медлев раскрыл один из пристенных шкафов и достал комплект обмундирования с парой легких ботинок на высокой шнуровке.

– Примерь, тебе это должно быть в самый раз, – сказал он, кинув одежду Стинову.

– Послушай, я полагал, что руководство Информационного отдела просто поставит в известность Совет о том, чем занимаются коменданты, – сказал Стинов, натягивая камуфляжную куртку. Он заметно нервничал, и руки его немного дрожали. – А здесь, похоже, готовится боевая операция.

– В Совет входит и представитель Комендантского отдела, – расправляя складки, Медлев одернул куртку у него на спине. – Пока Совет раскачается и соберется провести проверку, коменданты уйдут из сгоревшего сектора и заметут за собой все следы. Их можно брать, только когда они этого не ждут.

– И часто вы разбираетесь с комендантами подобным образом? – спросил Стинов.

– Хотелось бы чаще, – ответил Медлев. – Но пока Совет колеблется, выбирая, какую из сторон поддержать, приходится соблюдать видимость добрых, партнерских отношений.

Подобная откровенность со стороны бывшего надзирателя объяснялась просто. Стоянович приказал взять Стинова с собой – либо решил, что парню можно доверять, либо собирается убрать его после операции. И в том, и в другом случае никакой опасности он не представлял.

– Я всегда был уверен, что Совет занимает нейтральную позицию по отношению ко всем отделам, – сказал Стинов.

– Только до тех пор, пока ему это выгодно. Держи, – Медлев кинул Стинову серый халат, в которых обычно ходят ремонтники из Технического отдела. – Наденешь, когда скажут.

Из соседнего шкафа Медлев взял себе нож и электрошокер. Через плечо он перекинул ремень с десятком металлических дротики, каждый из которых он внимательно осмотрел. Два из них, почему-то не понравившиеся ему, он заменил на новые. К поясу он прицепил большой диск с выпуклым, почти шарообразным центром с четырьмя загнутыми под тупыми углами лопастями.

– На огнестрельное оружие в Сфере наложен строжайший запрет. И я считаю, что это правильно, – сказал Медлев. – Сфера – это не Земля. Здесь слишком большая плотность населения. Целясь в одного противника, можно убить два десятка случайно оказавшихся рядом людей. А если такое оружие попадет к иксайтам или бешеным? – Медлев обреченно покачал головой. – На этот раз коменданты зашли слишком далеко.

В зал быстрой, решительной походкой вошел Стоянович, одетый в полевую форму. Несмотря на невысокий рост, выглядел он уверенно и bravо.

– Хук! – резким, командирским голосом выкрикнул он, направляясь к центру зала. – Все готовы?

– Полный порядок, господин Стоянович, – ответил, вскочив на ноги, худой брюнет с длинными волосами.

– Ну так надевайте халаты – и вперед!

Все принялись натягивать на себя серые халаты ремонтников, тщательно маскируя под ними оружие.

– А мне оружия не положено? – шепотом спросил у Медлева Стинов.

– Зачем оно тебе? – удивился тот. – Ты просто проводник. С комендантами разберутся без тебя.

– Ну, на всякий случай, – пожал плечами Стинов. – Для уверенности.

– А обращаться-то с оружием ты умеешь?

– С дубинкой у меня вроде бы неплохо получалось.

– Держи, – Медлев протянул Стинову резиновую дубинку.

– А это кто? – тихо спросил Стинов, взглядом указав на направляющегося в их сторону коротышку.

– Гетри Стоянович, шеф службы безопасности, – так же тихо ответил Медлев.

Стоянович подошел к Стинову и смерил его презрительным взглядом.

– Пришло время посмотреть, чего стоят твои рассказы, – процедил он сквозь зубы. – Не вздумай выкинуть какой-нибудь фокус. – Он повернулся к Медлеву. – Если он что-то отчудит, отвечать будешь ты, Медлев.

Не дожидаясь ответов, Стоянович повернулся к ним спиной и, уперевшись крепко сжатыми кулаками в бедра, окинул оценивающим взглядом всю свою команду.

Стинов затравленно посмотрел на Медлева. Тот едва заметно улыбнулся ему и ободряюще подмигнул.

По команде Хука облаченные в серые халаты диверсанты направились к выходу из зала.

В конце коридора Стоянович открыл дверь электронным ключом. Комнатка за ней была совершенно пустой, но такой маленькой, что в ней с трудом уместилась вся команда. После того как дверь, ведущая в коридор, была закрыта, Стоянович нашел на стене почти незаметную

щель и вставил в нее карточку другого ключа. Часть стены отъехала в сторону, открыв проход, ведущий в ствол узкой и темной шахты.

Стоянович, наклонившись, запустил руку в проход. Следом за щелчком переброшенного тумблера глухо заурчал приводной механизм. По дальней стенке шахты медленно поползли две широкие роликовые цепи, на которых с интервалами примерно в полтора метра были закреплены узкие металлические перекладины. Стоянович шагнул в проход, поставил ногу на проплывающую мимо ступень, за другую ухватился руками и поехал вниз. Минут через десять конвейер остановился, но после короткой паузы заработал снова.

Один за другим, вставая на ступени, диверсанты проваливались во тьму.

Когда большая часть из них покинула комнату, командовавший в отсутствие Стояновича длинноволосый Хук ткнул пальцем в Стинова.

– Теперь ты. Следи, чтобы пальцы в цепь не попали.

Придерживаясь руками за стены, Стинов ступил в проход и остановился на краю кажущейся бездонной шахты. Когда очередная ступенька оказалась на уровне его ног, он встал на нее и быстро перехватился руками за другую, расположенную на уровне груди. Следом за ним перебрался на движущийся конвейер Медлев.

Блеклое пятно света над головой вскоре померкло, а затем и вовсе растворилось во тьме. Спуск вниз, сопровождаемый мерным машинным рокотом и едва слышным позвякиванием цепей на приводных шестернях, казался бесконечным. Не видя ничего вокруг себя, Стинов боялся потерять равновесие и, покачнувшись, зацепиться за какой-нибудь выступ на стене. Вцепившись руками в перекладину и замерев, он старался избавиться от той и дело возникающей в воображении страшной картины падения в разверстую под ногами бездну.

Он, наверное, непроизвольно закрыл глаза. Только услышав короткий, тихий свист и обернувшись, Стинов понял, что едва не проехал мимо цели. Торопливо ухватившись за протянутую руку, Стинов шагнул в проход.

Комната, в которой собирались диверсанты, была точно такой же, как и та, которую они оставили наверху. Когда последний информационник выбрался из шахты, Стоянович остановил конвейер и, проведя электронным ключом по потайной щели, восстановил целостность стены.

Прежде чем открыть другую дверь, Стоянович погасил свет. Через секунду темноту разрезала узкая полоска блеклого света.

Стинов ожидал команды на выход, но его попросту толкнули в спину. Сделав шаг вперед, он скользнул вдоль луча света и оказался в узком проеме между стеной и трехъярусным складским стеллажом, заполненным огромными пластиковыми контейнерами огненно-рыжего цвета. Помещение склада было ярко освещено, но в том месте, где они находились, лежала глубокая тень.

Стинова снова толкнули в спину, заставив потесниться, чтобы освободить место тому, кто следовал за ним.

Неслышно пробираясь между стеной и стеллажом, диверсанты вышли к углу склада, где находилась дверь запасного выхода. Дверь была заперта, но Хук, вставив в замочную скважину универсальный ключ, быстро подобрал нужную комбинацию.

По проходу, тянущемуся вдоль длинных рядов стандартных складских корпусов, информационники шли уже не таясь. Здесь было много настоящих ремонтников, одетых так же, как они.

Поперечный проход, в который они свернули, заканчивался тупиком, упирающимся в стену сектора. Здесь Хук присел на корточки и запустил в едва различимое отверстие на полу тонкий металлический штырь с резьбой на конце. Повернув его несколько раз, он уперся ногами в пол и потянул вверх. От напряжения на шее у него вздулись вены, когда он приподнял тяжелую металлопластиковую плиту.

После того как все диверсанты спустились вниз и плиту установили на прежнее место, во тьме зажглись фонарики. В узких лучах света, пересекающих тьму, было невозможно рассмотреть, что это за помещение, но информанционники, похоже, бывали здесь не раз. Скинув халаты, они быстро привели в порядок свое боевое снаряжение – убедились, что оружие удобно ложится в руку и легко вынимается. Заняло все это не более двух минут, после чего была открыта очередная потайная дверь.

На этот раз им пришлось пробираться по узкому, давящему на плечи проходу. Под ногами что-то хлюпало и чавкало. Пахло прелью и ржавым железом.

Шли они довольно долго. Для Стинова так и осталось загадкой, каким образом можно выбирать правильное направление в этих крысиных ходах. Время от времени он светил фонариком на стены, но за все время пути не заметил на них ни одного знака, который мог бы служить ориентиром.

Наконец шедший впереди Стоянович остановился.

– Здесь, – сказал он шедшему следом за ним Хуку.

Автоматической отверткой Хук вырвал из стены штук пять заклепок и, навалившись плечом, отогнул наружу край металлопластикового листа. Из отверстия потянуло свежим воздухом, пропитанным запахом гари, – за стеной находился сектор Ломоносова.

Место, где диверсанты выбрались из прохода, располагалось где-то в глубине сгоревших секций. Свет от ламп, протянутых вдоль бывших проходов между корпусами, едва достигал сюда. Вся площадь первых этажей была завалена какой-то не до конца сгоревшей рухлядью и обломками рухнувших сверху перекрытий. Для того чтобы свободно двигаться дальше, информанционники поднялись на второй этаж.

Диверсанты передвигались почти бесшумно – один Стинов производил больше звуков, чем остальные двадцать человек, вместе взятых. Его уже настолько утомил этот бесконечно долгий поход, что он теперь чисто механически, глядя только себе под ноги, шел туда, куда и остальные, и жалел, что оставил упаковку с эфиром в кармане рубашки.

Спустя какое-то время Стоянович дал команду остановиться и взмахом руки подозвал к себе Стинова.

– Там сектор Набокова, – большим пальцем указал он на стену. – Куда дальше?

Стинов осмотрелся по сторонам. Впереди, в нескольких метрах, между каркасами сгоревших домов находился проход. Должно быть, тот самый, по которому он шел вместе с Марти и Карелой.

Спустившись в проход, Стинов принялся исследовать стену и очень скоро нашел дыру, ведущую в парк с голографическими елями. Не составило труда найти и развалины дома на перекрестке, в котором приятели собирались устроить пикник.

– Коменданты были там, – рукой указал направление Стинов. – Метрах в двухстах отсюда.

Едва он успел произнести эти слова, как раздались приглушенные хлопки выстрелов.

– Странно, что они не выставили постов, – заметил, обращаясь к Стояновичу, Хук. – Настолько уверены в своей безопасности? Даже после того, как упустили свидетеля?

Стоянович, прищурившись, посмотрел на Стинова.

– Медлев, не спускай с него глаз, – тихо, но так, чтобы было слышно и Стинову, произнес он. – Пусть все время находится поблизости. Если он завел нас в ловушку, я ему лично горло перережу.

Сказав это, Стоянович как будто потерял к Стинову всякий интерес. Отвернувшись в сторону, он принялся быстро отдавать команды. Поодиночке и по двое диверсанты неслышно, как тени, исчезали среди развалин.

Четверо оставшихся – Стинов, Медлев, Стоянович и Хук – поднялись на второй этаж и направились в сторону противника тем же путем, каким несколько дней назад пробирался

Игорь. Первым шел Хук, сжимая в руке телескопическое копье, которое в сложенном виде имело чуть более тридцати сантиметров в длину.

Они прошли чуть больше половины пути, когда Хук предостерегающе вскинул руку и замер на месте. Впереди по плитам перекрытия прогуливался из стороны в сторону человек в спортивном костюме. Томясь от скуки, он крутил в руках дубинку и то и дело, цепляя носком ботинка, отбрасывал в сторону попадавшийся под ногу мелкий мусор.

Хук бросил взгляд на Стояновича. Тот молча кивнул.

Стоянович, Медлев и Стинов остались на месте, укрывшись в тени поднявшегося вертикально обломка разломившейся плиты, а Хук медленно, избегая открытых пространств, двинулся вперед.

Подобравшись к противнику на расстояние одного большого прыжка, Хук замер. Его тело словно растворилось в окружающем полумраке. Даже партнеры, следившие за каждым его шагом из укрытия, могли только вообразить нечеткую, расплывающуюся границу между человеческой плотью и обволакивающей ее тьмой.

Хук поднял рукоятку телескопического копья на уровень груди, готовясь нанести один точный удар. Однако жертва вела себя настолько беспечно, что охотник решил действовать по-иному. Положив копье на пол, Хук достал нож.

Он прыгнул на часового, когда тот повернулся к нему спиной. Свободной рукой зажав коменданту рот, Хук плавным движением вонзил лезвие ножа ему между ребер. Слабый, задушенный всхлип коменданта услышал только один убийца. Почувствовав, как дернулась в ладони рукоятка ножа, Хук удовлетворенно улыбнулся – острое вошло точно в сердце. Аккуратно уложив мертвое тело на пол, Хук извлек из его груди нож и вытер лезвие об одежду жертвы.

Стоянович тем временем уже подобрался ползком к краю перекрытия и наблюдал за улицей, где продолжали упражняться в стрельбе коменданты.

– Восемь пистолетов, – шепотом сказал он подползшему к нему Хуку. – Стрелять они толком не умеют, но все равно, имея такое оружие, уложат нескольких наших.

– Надо подождать, – сказал Стинов. – Закончив стрелять, они сложат оружие в контейнер и отнесут его в дом напротив.

Стоянович на Стинова даже не взглянул.

Произведя еще пару залпов, коменданты разрядили оружие и сложили его в контейнер. Двое взяли контейнер за ручки и понесли в здание.

– Пора? – спросил Хук.

Стоянович повернулся к Медлеву и осторожно провел пальцем по диску с острыми лопастями, который тот снял с пояса и держал теперь в руке.

– Показал бы, как действует твоя вертушка, – сказал Стоянович. – Все ребята хвалят, а я так ни разу и не видел.

Полудобнее перехватив диск за основание одной из лопастей, Медлев подтянулся к самому краю плиты, осмотрел пространство внизу и, приподнявшись, встал на одно колено. Сделав широкий замах, он резко, с силой швырнул свое оружие вниз.

Подобно вспыхнувшей при ярком свете молнии, диск прочертил в воздухе прямую линию. С криками ужаса и боли отлетели в стороны двое оказавшихся на его пути комендантов – одному из них отточенные лопасти, вращаясь, распороли живот, второму рассекли бедро. Ударившись о землю, диск каким-то удивительным образом спружинил и снова взлетел в воздух. Еще один комендант упал на землю с отрубленной по локоть рукой. Остальные бросились врассыпную, спасаясь от смертоносного волчка, который, отскакивая от любой встретившейся на пути преграды, метался с одной стороны улицы на другую.

Должно быть, все, находившиеся внизу, что-то одновременно кричали, и в этом гвалте тонули отдаваемые инструктором приказы, который, пожалуй, единственный не поддался

общей панике и пытался как-то организовать и привести в порядок свою команду. Быстро убедившись в тщетности своих усилий, он кинулся в дом.

Забежав в здание, инструктор кинулся к лестнице, ведущей на второй этаж. На бегу он достал из кармана складной радиотелефон и принялся тыкать пальцем в кнопки. То и дело попадая не на ту кнопку, он чертыхался, нажимал кнопку сброса и начинал набирать номер заново. Наконец в трубке раздался гудок свободной линии.

Взбежав на второй этаж, инструктор упал в стоящее неподалеку от лестницы кресло.

– Слушаю, – раздался в трубке негромкий голос.

– Господин Строп! – возбужденно закричал инструктор. – Это Галкин! Мне срочно требуется помощь!

– Что случилось? – недовольно произнес голос в трубке.

– На нас напали!

– Напали? Кто?

– Не знаю! Но это не бешеные! Их гораздо больше, чем нас!..

– У тебя же есть оружие.

– Они тоже вооружены!

– Что?!

– Нет, у них обычное оружие, – быстро поправился Галкин. – Но они напали неожиданно!.. Мы в критическом положении!.. Нам срочно требуется помощь! Долго мы не продержимся!

– Ты что же, хочешь, чтобы я прислал к тебе отряд комендантов? – Голос в трубке сделался похожим на змеиное шипение.

– Кого угодно! – отчаянно взмолился Галкин.

– Ты, видно, совсем рехнулся, если говоришь об этом по открытой линии. Я знать не знаю, кто ты такой и чем ты там занимаешься.

– Господин Строп!..

В трубке послышались короткие гудки отбоя.

Инструктор со злостью швырнул телефон в стену.

Вскочив на ноги, он выдернул из-под куртки револьвер с большим открытым барабаном и длинным стволом и осторожно выглянул в окно.

Вертушка Медлева, израсходовав всю энергию вложенного в нее броска, в последний раз распорол воздух и упала на землю, вращаясь, подобно юле. Скрытые в ее корпусе пружины отстрелили в стороны лезвия изогнутых ножей, одно из которых вонзилось в руку прижавшегося к стене коменданта.

Трое комендантов упали, пораженные дротиками и сюрикенами, брошенными скрывающимися среди развалин информационниками.

Глаза Хука вспыхнули яростным, почти безумным огнем. Он вскочил на ноги и, широко взмахнув руками, прыгнул вниз. Комендант, рядом с которым он оказался, замахнулся на него дубинкой с острым лезвием на конце. Хук выбросил вперед руку, сжимавшую рукоятку копья. Три скрытых в рукоятке колена выскользнули одно из другого, и острое копьё вонзилось коменданту в горло. Ударом ноги Хук сбросил с копья безжизненное тело.

Появившиеся одновременно с двух сторон информационники перекрыли проход и двинулись навстречу друг другу, тесня комендантов в сторону уцелевшего при пожаре корпуса, служившего им базой. Коменданты пытались отбиваться от нападающих на них противников, но исход схватки казался уже предрешенным.

– Хук, займись оружием! – крикнул сверху Стоянович.

Хук, оказавшийся в центре схватки, мотнул головой, давая понять, что услышал приказ. Быстро перекидывая копьё с одной стороны на другую, не столько для того, чтобы поразить,

сколько чтобы просто разогнать обступивших его комендантов, он начал пробиваться к входу в корпус.

Взмахом руки приказав Медлеву со Стиновым следовать за собой, Стоянович побежал вниз по лестнице. Левая рука его лежала на рукоятке ножа. Выйдя на улицу, он коротким ударом снизу, без замаха, вонзил нож в спину оказавшегося у него на пути коменданта. Вырвав дубинку из руки падающего на землю смертельно раненного человека, он дважды ударил его по голове, после чего отшвырнул дубинку в сторону. Обтерев руки широким носовым платком в крупную серую клетку, Стоянович сцепил пальцы за спиной и приготовился наблюдать за схваткой, происходившей на противоположной стороне прохода.

Но когда уже казалось, что сопротивление комендантов сломлено, из дома на помощь им выбежал новый отряд. Теперь коменданты численно превосходили противников, однако информационники имели преимущество, располагая большей свободой для маневрирования. Двое человек из отряда Хука упали под ноги дерущимся – один получил удар ножом в грудь, другой – в живот. Через минуту еще один схватился руками за разрубленное горло.

– Не дергайся, – прошипел сквозь зубы Стоянович, заметив, что Медлев готов броситься на помощь своим товарищам. – У тебя есть за кем присматривать.

Стинов, стоявший рядом, не услышал его слов. Все его внимание было поглощено жестоким побоищем, происходившим всего в нескольких шагах от него. Перемешанные в кучу тела дерущихся, взлетающие над головами дубинки и шокеры, крики убитых и раненых, пятна крови на мостовой – все элементы этого кошмара, переплетаясь, сливались в единую жуткую картину, в реальность которой разум отказывался верить. Локоть, согнутый под прямым углом, выброшенная вперед стопа с оттянутым носком, занесенная для удара дубинка с перемазанным кровью концом, дико вытаращенные глаза, голубоватая полоска дугового разряда между контактами электрошокера – любая выхваченная взглядом деталь являла собой символ ужаса и дикой, бессмысленной злобы. Происходящее казалось похожим на драку диких зверей, две стаи которых сцепились друг с другом только потому, что их вожаки не поделили между собой не до конца обглоданную кость, не понимая, что им-то самим все равно ничего не достанется.

Троим информационникам, возглавляемым Хуком, удалось вклиниться в плотную группу обороняющихся и разорвать ее надвое. Хук и те, кто следовал за ним, ворвались в здание. Оставшиеся на улице довершали начатое ими дело. Теперь коменданты уже не оборонялись, а просто прикрывали дубинками головы от сыплющихся на них со всех сторон ударов.

В здании раздался выстрел. Через несколько секунд еще два, один за другим. Что там происходило, никто не знал. Но похоже было, что коменданты не связывали с этой разрозненной пальбой надежд на спасение.

Двоим комендантам удалось вырваться из кольца. Петляя, как затравленные зайцы, они бросились к противоположной стороне прохода, надеясь укрыться в развалинах. Стоянович выдернул из петли на перекинутом через плечо Медлева ремне дротик и метнул его в коменданта. Дротик вошел ему в грудь, и парень упал, раскинув руки в стороны. Второй замер на месте и, бросив на мостовую дубинку, поднял руки. Стоянович взялся за новый дротик. Комендант упал на колени и, уткнувшись лбом в мостовую, пронзительно закричал. Стоянович усмехнулся и вставил дротик на место. Неторопливой походкой, не обращая внимания на скулящего коменданта, он направился к входу в здание, возле которого его бойцы укладывали на мостовую лицами вниз сдавшихся в плен комендантов.

– Поднимайся, – подойдя к скорчившемуся коменданту, сказал Медлев.

Внезапно комендант, казавшийся полностью раздавленным и уже ни на что не способным, выбросил руки вперед, схватил Медлева за ноги и, рванув изо всех сил, повалил его на землю. Отчаяние и ужас смерти подарили коменданту последний, безумный и почти неконтролируемый разумом всплеск сил, бросивший его вперед. Подпрыгнув, он навалился на поверженного врага и, выдернув нож у него из-за пояса, полоснул им его по горлу.

Тело Стинова снова среагировало быстрее, чем успел принять решение разум. Одним прыжком оказавшись возле коменданта, Стинов, даже не вспомнив о болтавшейся на поясе дубинке, сцепленными руками ударил его сбоку по голове. Комендант откатился в сторону и попытался встать на ноги, но подбежавший Стинов ударил его по ребрам носком ботинка. Комендант, вскрикнув, опрокинулся на спину, и Стинов, нанося добивающий удар, каблуком проломил ему грудину.

Опустив руки, Стинов замер над телом умирающего коменданта, который, скребя руками по мостовой, словно бы все еще пытался что-то крикнуть перекошенным ртом.

– Неплохо. Совсем неплохо для парня из Архивного отдела.

Стинов обернулся. Стоянович смотрел на него сквозь прищуренные веки холодным, оценивающим взглядом.

– Профессионально сработано, – взглядом указал он на тело коменданта. – Где ты этому научился?

– Нигде, – тихо ответил Стинов. – Само собой получилось.

– Это ты кому-нибудь другому расскажи.

Угол рта Стояновича дернулся в усмешке, не сулящей ничего хорошего.

Стинов посмотрел на Медлева. Тот сидел на мостовой, пытаясь зажать рукой хлещущую из разрезанной шеи кровь.

– Помогите ему, – сказал Стоянович и пошел дальше.

Стинов присел возле Медлева на корточки. Тот посмотрел на него жалобным взглядом и сунул в руку перевязочный пакет. Стинов вскрыл пакет и отвел в сторону руку Медлева, которой тот зажимал рану. Перерезанная артерия упругими толчками выбрасывала порции алой, насыщенной кислородом крови. Простой перевязкой остановить такое кровотечение было невозможно. Необходима была срочная медицинская помощь.

Стинов приложил пальцы Медлева к тому месту на шее, где надо было пережать артерию.

– Держи крепко, – сказал он и, вскочив на ноги, побежал вдогонку за Стояновичем.

Тем временем Хук вывел из здания четырех комендантов, одним из которых был инструктор. Он шел, прижав руку к пробитому копьем плечу, меж пальцев сочилась кровь. Следом за ними двое информационников вынесли контейнер с оружием.

Комендантов уложили на мостовую. Инструктор сел, тяжело привалившись спиной к стене.

– Карташова пристрелил, сволочь, – концом копья Хук указал на инструктора.

На секунду устало прикрыв глаза, он провел ладонью по мокрому от пота лицу и откинул назад прилипшие пряди волос.

– Медлеву требуется помощь врача! – крикнул Стинов, подбежав к Стояновичу.

Посмотрев на него, шеф безопасности досадливо поморщился.

– Мне тебя научить, как надо перевязывать раны?

– У него перерезана артерия. Если ему не поможет врач, то через несколько минут он умрет от кровопотери.

Стоянович глянул по сторонам, ища кого-то среди окруживших его информационников.

– Аксель! – крикнул он, не найдя того, кто был ему нужен.

– Я здесь, господин Стоянович, – махнул рукой один из бойцов.

– Цел? – спросил у него Стоянович.

– В порядке. Царапиной отделался.

– Осмотри Медлева. Если ему еще можно помочь, бери кого хочешь в помощь и уносите его отсюда. Идите в направлении сектора Коха. Там на втором уровне в бункере есть медпункт с дежурным врачом. Оставайтесь там, за вами придут.

Аксель побежал выполнять приказ.

Не зная, что ему теперь делать, Стинов остался возле Стояновича. Шеф безопасности подошел к раненому инструктору и, взглянув на него как будто с сочувствием, покачал головой. Затем он перевел взгляд на стоявший у его ног контейнер. Наклонившись, он откинул крышку, взял в руку один из лежавших в нем пистолетов и внимательно его осмотрел.

– За основу, несомненно, был взят «кольт» «миротворец», – сказал он, снова переводя взгляд на инструктора. – Однако сработано топорно.

Протянув руку с пистолетом, Стоянович стволом сбил с лица инструктора темные очки. Вскинув окровавленную ладонь, комендант прикрыл лицо, словно защищая глаза от непривычно яркого света.

– Что, Галкин, по-прежнему боишься смотреть людям в глаза? – насмешливо поинтересовался Стоянович.

Комендант дернул подбородком, но ничего не ответил.

– А ведь говорил я Бермеру, что такой придурок, как ты, не остановится, после того как его один раз стукнули по башке, – продолжал Стоянович. – Значит, после того как твоя идея создания отрядов, вооруженных огнестрельным оружием, не вдохновила руководство Информационного отдела, ты решил податься к комендантам. И там тебя встретили с распростертыми объятиями.

Стоянович не задавал вопросов, а как бы отвечал на них вместо своего собеседника.

– Будущее за огнестрельным оружием, – негромко, но уверенно произнес Галкин. – Тот, кто первым овладеет им, получит и всю полноту власти.

– Ты идиот, Галкин, – тоскливо вздохнул Стоянович. – Игрушки, подобные этим, уничтожили жизнь на Земле. А Сферу они просто разнесут в клочья.

– Но теперь-то, когда готовое оружие у тебя в руках, ты наверняка воспользуешься им, – попытался усмехнуться комендант.

– Воспользуюсь, – подумав, кивнул Стоянович. – Но только один раз. Ты это заслужил.

С этими словами он поднес дуло пистолета ко лбу коменданта и нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел. Голова коменданта дернулась назад и ударилась о стену, оставив на ней кровавое пятно. Тело его завалилось на бок.

Стоянович бросил пистолет в контейнер, ногой захлопнул крышку и повернулся к своим бойцам.

– Давайте-ка быстренько наведем здесь порядок, ребята, – сказал он. – Не должно остаться никаких следов. Корпус должен выглядеть так же, как и остальные. Что делать с комендантами, вам известно. Если их здесь когда-нибудь и найдут, то спишут на бешеных. Хук, контейнер с пистолетами возьми с собой. Прежде чем уничтожить, их нужно показать Бермеру, а то в последнее время у старика начало складываться не в меру благодушное отношение к действительности.

Глава 5

Новая жизнь

Завершив операцию в секторе Ломоносова, информационники вернулись назад тем же путем, что и пришли.

Стоянович сразу же куда-то исчез. Остальные отправились переодеваться.

Охранник, встречавший диверсантов в корпусе, хотел было сразу же отделить Стинова. Но длинноволосый Хук легко отеснил его в сторону, и тот даже слова не сказал. Авторитет Хука, судя по всему, был непререкаем.

– Неплохо мы сегодня поработали, – сказал Хук, по-приятельски положив руку Стинову на плечо. – Теперь можно и отдохнуть. Как, наша компания не будет тебе в тягость?

Вместе с остальными парнями, принимавшими участие в операции, Стинов принял душ, переоделся в зале, а затем как равный был посажен за общий обеденный стол, на котором было и что выпить, и чем закусить. Информационники, все еще находившиеся под впечатлением недавнего сражения, весело балагурили, вспоминая те или иные моменты боя. На долю комендантов в этот день выпало немало едких насмешек. Были помянуты и павшие в бою товарищи. При этом кто-то из сидевших за столом вспомнил про Медлева, который мог бы пополнить список потерь, если бы не решительные действия Стинова.

Под вечер, когда новые приятели разошлись, Стинов снова был заперт охранником в своей комнате. Обидно, конечно, но ничего не поделаешь – он все еще оставался на положении временно задержанного.

Ночью Стинов почти не сомкнул глаз в нервном ожидании нового дня, который, как он полагал, должен был определить его дальнейшую судьбу. Тревожило его и то, что Медлев, которому он был склонен доверять, сейчас находился в больнице.

Утром Стинов едва успел закончить завтрак, когда в комнату вошел охранник. Это был не тот человек, который обычно приносил ему еду, и Стинов подумал, что сейчас ему сообщат нечто важное.

Но охранник сказал только одно слово:

– Собирайтесь.

Наученный уже тому, как следует вести себя арестанту, Стинов не стал задавать никаких вопросов. Он просто накинул куртку, сунул в карман электронную записную книжку и замер, готовый выполнять любые указания.

Охранник вывел Стинова на улицу. Дойдя до центрального прохода, они встали на движущуюся ленту тротуара и долго куда-то ехали.

Охранник сделал знак, что нужно сходить, когда они проезжали мимо здания правления Информационного отдела. Они вошли в подъезд и остановились возле высокой стойки пропускного пункта.

– Мы к господину Шалиеву, – сказал охранник, предъявив дежурному свое удостоверение. – Нам назначено.

Дежурный, связавшись с кем-то по инфо-сети, доложил о посетителях. Получив указание, он вернул сопровождавшему Стинова охраннику его удостоверение, и тот, к удивлению Стинова, развернулся и вышел за дверь. Но не успел Стинов спросить, что же ему делать теперь, как к нему подошли двое других охранников, сидевших до этого в отгороженном невысоким барьером закутке.

В сопровождении этой пары Стинов поднялся на третий этаж. Охранник предупредительно распахнул перед ним широкую двустворчатую дверь, войдя в которую, они оказались в просторной приемной. Вдоль правой стены был выстроен ряд мягких стульев, а в противо-

положном от двери конце, возле окна с голографической картиной, изображавшей затянутую облаками одинокую горную вершину, стояли два секретарских стола. За одним из них сидела пожилая матрона с профилем грифа, за другим – миловидная девушка лет двадцати с очень короткой стрижкой. Девушка приветливо улыбнулась вошедшим и указала рукой на еще одну дверь.

– Вы можете войти, – проворковала она певучим голосом. – Вас уже ждут.

Стинов посмотрел на охранников – оба не двинулись с места.

– Входите же, – повторила девушка, обращаясь на этот раз непосредственно к Стинову.

Стинов открыл дверь, сделал шаг и оказался в небольшом рабочем кабинете.

Человек, сидевший за столом, не поднялся ему навстречу, но приветливо улыбнулся.

– Присаживайтесь, Игорь Стинов, – сказал он. – Выбирайте любое место, где вам будет удобно.

Стинов взял кресло и осторожно переставил его поближе к столу.

– Мое имя Марат Шалиев, я член руководства Информационного отдела, – представился хозяин. – Ко мне попало ваше ходатайство о предоставлении права проживания в зоне Информационного отдела. Учитывая то, что вы оказали нам некоторую услугу, я счел возможным удовлетворить вашу просьбу.

У Стинова от радости голова пошла кругом. Он ожидал чего угодно, но только не такого простого и скорого решения всех своих проблем. На радостях он даже не нашел, что ответить Шалиеву, только глуповато улыбнулся и руками развел.

Шалиев понял его состояние и тоже в ответ изобразил улыбку.

– Вот ваши документы, – сказал он, выложив на стол перед Стиновым пластиковые карточки. – Теперь вы постоянно проживаете в секторе Менделеева, подконтрольном Информационному отделу. Адрес указан на карточке электронного ключа. Кроме того, я изменил ваш личный код, так что теперь коменданты лишены возможности отслеживать ваше передвижение. На ваш банковский счет переведена сумма в триста марок. На первое время вам этого будет достаточно.

– Благодарю вас, это все, что я хотел получить, – едва заметно дрогнувшим от волнения голосом ответил Стинов, убирая документы в карман.

– Ну как же все? – удивленно поднял брови Шалиев. – Вы же у нас пока еще безработный. Вы не хотели бы попробовать поработать с клонами?

– С клонами? – удивленно переспросил Стинов.

– Да, – кивнул Шалиев. – На сельскохозяйственных работах у нас задействованы клоны. Но управляют ими люди. Работа несложная и хорошо оплачиваемая.

– У меня совершенно нет опыта, – замялся Стинов.

– Уверяю вас, в этом нет ничего сложного. Вас быстро всему научат. Если других возражений у вас нет, вот код для связи с управляющим плантацией в секторе Мичурина. Его имя Эриксон. Пер Эриксон. Переговорите с ним в ближайшие дни.

– Благодарю вас, господин Шалиев, – только и смог сказать Стинов.

– Не стоит, – снова улыбнулся Шалиев. – Я всего лишь предоставляю вам плацдарм, с которого вы сможете начать путь вверх. Все остальное будет зависеть только от ваших способностей и старания.

– Я буду искренне рад, если смогу быть полезен Информационному отделу, – с чувством произнес Стинов.

– Не сомневаюсь, – плавно повел подбородком сверху вниз Шалиев. – Надеюсь, вы не откажете и мне, если я когда-нибудь обращусь к вам с поручением личного характера?

– Я полностью в вашем распоряжении, господин Шалиев! – с готовностью воскликнул Стинов.

– Я свяжусь с вами, когда вы мне понадобится, – кивнул Шалиев. – Ну а пока желаю вам удачно устроиться на новом месте. Если возникнут какие-либо проблемы, не стесняйтесь, обращайтесь прямо ко мне.

Шалиев снова улыбнулся и протянул Стинову визитную карточку с золотым обрезом.

Выйдя из кабинета Шалиева, Стинов сразу же утратил добрую половину распирающего его восторга, столкнувшись в приемной с шефом службы безопасности отдела.

Стоянович смерил его неприязненным взглядом и тихо, так, что было слышно только одному Стинову, прошипел:

– Если у тебя окажется не в меру длинный язык, я тебе его отрежу.

То, что он поступит именно так, как обещал, лично у Стинова никаких сомнений не вызывало. И это была не самая последняя причина, по которой он не испытывал ни малейшего желания когда-нибудь вновь встретиться с шефом службы безопасности, даже за рюмкой коньяка.

Добравшись до сектора Менделеева, Стинов быстро нашел свою новую комнату. Жилая секция состояла из двух комнат, одна из которых принадлежала Стинову.

Игорь постучал в соседнюю дверь, собираясь представиться, однако дверь оказалась заперта, и на стук его никто не ответил.

Вещей у Стинова никаких не было. Только заглянув в свою комнату, он отправился делать самые необходимые покупки.

Вечером, вернувшись домой с двумя сумками самых необходимых для жизни вещей, Стинов связался с управляющим плантацией Эриксоном и договорился о встрече.

На следующее утро он спустился в лифте до сектора Мичурина и, выйдя из него, оказался в узком, огороженном полупрозрачным пластиком помещении. В точно такой же пластиковый пенал он попал после бегства из комендатуры. При воспоминании о прошлом визите в сельскохозяйственную зону Стинову сделалось несколько не по себе. Но все же он вполне уверенно шагнул к столу, за которым сидели двое охранников, и протянул им свое новенькое удостоверение.

Охранник проверил удостоверение и поднял взгляд на Стинова.

– Первый день? – спросил он.

Стинов радостно кивнул.

– Накиньте халат. У нас здесь очень строго следят за чистотой.

В шкафу возле лифта, на который указал информационник, висело десятка два новых голубых халатов. Внизу лежало несколько пар безразмерных полимерных чехлов для обуви. В кармане халата Стинов нашел шапочку с длинным козырьком и натянул ее на голову.

– Возьми, – информационник протянул Стинову солнцезащитные очки. – Освещение на плантации слишком яркое для глаз.

Через пару минут к двери дежурного помещения подкатил маленький открытый электромобиль. Корпус его был очень узким, с заостренным носом. Три сиденья располагались одно за другим.

Управлявший электромобилем человек вошел в дежурное помещение. Как и вахтеры, он был одет в голубые брюки и куртку с эмблемой отдела.

– Тебя, что ли, нужно доставить к Эриксону? – спросил он у Стинова.

– Его, – ответил за Игоря охранник.

Водитель кивнул Стинову и направился к электромобилю. Надев очки, Стинов последовал за ним.

Машина тронулась с места и поехала по узкой дорожке с синтетическим покрытием, тянувшейся меж бесконечных грядок.

Стинову никогда прежде не доводилось видеть столь огромного открытого пространства. С непривычки у него даже начала кружиться голова. Он залез в карман, вытащил из упаковки пастилку эфимера и кинул ее в рот.

Головокружение исчезло, как только эфимер начал всасываться слизистой оболочкой рта. Напряжение, сковывающее Стинова, несколько ослабло. Пейзаж вокруг, сделавшись похожим на голографическую картинку, перестал казаться чужим и опасным. Стинов подумал, не взять ли еще одну пастилку, но вовремя остановил себя, решив, что для предстоящей беседы с управляющим ему нужна ясная голова.

На полях уже трудились люди. Одетые в поношенные голубые халаты, все они были высокого роста, крепкого телосложения и, что особенно удивило Стинова, все с лысыми, круглыми, как шары, головами. Всецело сосредоточившись на выполняемой работе, они даже искоса не глядели на проносившийся мимо электромобиль.

– Это клоны! – догадался Стинов.

Водитель, не оборачиваясь, кивнул.

– Отличные работники, – сказал он. – Любой руководитель может только мечтать о таких.

– А не проще было бы использовать на полях машины? – спросил Стинов.

– Для того чтобы использовать машины, грядки пришлось бы разносить на расстояние, раза в два превышающее то, что мы сейчас имеем. В наших условиях это недопустимая потеря площади. К тому же при механической уборке, в зависимости от вида культуры, теряется от пяти до десяти процентов урожая. Клоны же собирают все, без потерь.

– А самим клонам нравится их работа?

– Я думаю, что об этом их никто не спрашивал, – вполне серьезно ответил водитель. – Они ведь и созданы только для того, чтобы работать. Работа, еда и место для сна – вот и все, что им нужно в жизни. Впрочем, как и многим из тех, кто появился на свет естественным путем.

Электромобиль свернул направо и двигался теперь по краю плантации. Вдоль стены сектора тянулись однообразные постройки, похожие на складские и подсобные помещения с пронумерованными дверями и окнами из затемненного пластика. Машина остановилась возле двери, на которой под номером «44» была закреплена пластинка с надписью: «Управляющий».

Следуя за водителем, Стинов вошел в просторное помещение, одна из стен которого была полностью занята стойкой с тремя рядами мониторов. Сейчас из двенадцати экранов горели только три, на которых были видны участки плантации с работающими на них клонами. Кроме мониторов, в комнате находились многоканальный терминал инфо-сети, шкаф со стопками лазерных дисков на полках, диван с низкой спинкой, десяток стульев для посетителей и длинный, сверкающий полированной крышкой стол, за которым восседал сам Пер Эриксон.

Управляющему было около пятидесяти лет. Роста он был небольшого, но крепкого телосложения. Его широкое, открытое лицо с крупными чертами портил только крошечный, словно срезанный подбородок с двумя глубокими ямочками.

Стинов несказанно удивился, когда Эриксон сразу же предложил ему место помощника управляющего. Но вскоре выяснилось, что гордиться здесь особенно было нечем. Все двадцать пять человек, занятые организацией работы клонов, числились помощниками управляющего.

Договорившись с управляющим, что выйдет на работу со следующего дня, Стинов отправился домой.

Он был счастлив и доволен собой. Теперь у него были и работа, и дом. А на кредитной карточке после всех вчерашних трат оставалась еще довольно приличная сумма. Так что можно было, не ограничивая себя ни в чем, зайти по дороге в бар и выпить пива. Что он и сделал.

В секторе Менделеева Стинов зашел в большой роскошный бар с великолепной светящейся вывеской. Прежде ему в таких бывать не приходилось. Цены здесь были выше, чем в обычных забегаловках, но зато и пиво, подававшееся не в пластиковых, а в настоящих стек-

лянных кружках с толстым тяжелым дном и изогнутой ручкой, имело густой янтарный цвет и тяжелую пенную шапку. И вкус у него, надо полагать, тоже должен быть отменным.

Посетителей в зале было немного. Взяв две кружки пива и целую гору сандвичей, каких прежде и не пробовал, Сتيнов устроился за небольшим столиком в уголке и приступил к пиршеству. Зажмурив от наслаждения глаза, Сتيнов сделал первый глоток холодного, терпкого пива.

– Разрешите? – услышал он голос рядом с собой.

Поставив кружку на стол, Сتيнов поднял недовольный взгляд. Зачем кому-то понадобилось беспокоить его, если в зале и без того полно свободных мест?

Но, увидев того, кто стоял рядом с ним, Сتيнов мгновенно позабыл все слова, которые собирался произнести. Лицо его вытянулось и заметно побледнело. Мило улыбаясь, возле Игорева столика стоял старик-сосед, дверь которого находилась напротив двери Сتيнова, когда он еще жил в комендантской зоне.

– Вы не возражаете? – указав на свободный стул, вежливо поинтересовался старик.

Стинов сделал приглашающий жест рукой.

Старик сел и сложил руки перед собой на столе. Мельком взглянув на них, Стинов отметил, что руки у него отнюдь не старческие, а крепкие и сильные, с молодой, здоровой кожей.

– Я очень рад, что вам удалось спастись, – глядя на Сتيнова, сказал старик.

Не зная, что на это ответить, Стинов сделал несколько больших глотков пива и принялся сосредоточенно жевать бутерброд.

Каким образом старику удалось его выследить? Что он хочет? Сдать его комендантам? Тогда с какой стати он пытается завести с ним беседу? Хочет начать шантажировать?..

Мысли разбегались в стороны. Нужно было срочно принять какое-то решение и в соответствии с ним строить дальнейшую линию поведения.

– Мы долго жили по соседству, а так и не познакомились, – сказал старик. – Ну, ваше-то имя мне известно. А меня зовут Василий.

– Очень приятно, – мрачно буркнул Стинов.

– Прежде вы предпочитали бары поскромнее, – оценивающе глянул по сторонам старик. «Точно! – решил про себя Стинов. – Собрался денег из меня выжать!»

Откупаться от старика он не собирался. Шантажисту только палец дай – он всю руку отхватит.

– Я вижу, вы не очень-то рады меня видеть, – усмехнулся старик. – И совершенно напрасно. Я здесь для того, чтобы предостеречь вас.

– Пока тебя здесь не было, у меня все было в порядке, – неприязненно глянул на старика поверх кружки Стинов.

– А, так мы уже перешли на «ты», – вроде как удивленно вскинул брови Василий. – Не имею ничего против.

– Что тебе надо? – мрачно спросил Стинов.

Василий оставил игривый тон и, наклонившись вперед, серьезно произнес:

– Ты напрасно думаешь, что у тебя все в порядке.

– Да кто ты такой, черт возьми, чтобы решать, что у меня в порядке, а что нет?! – Стинов в сердцах швырнул на тарелку надкушенный сандвич.

– Я твой друг, – произнес Василий с полной уверенностью в истинности своих слов.

– Что-то раньше я твоей дружбы не замечал, – раздраженно ответил Стинов. – Должно быть, в то время денег у меня не было, вот ты и не лез ко мне со своей дружбой.

На лице старика появилась презрительная ухмылка.

– Денег, если надо, я и сам тебе дать могу. А что касается моего внимания к тебе, так ты просто не замечал его. Помнишь монаха в секторе Ломоносова?

– Откуда тебе про него известно? – насторожился Стинов. – Ты тоже был там?

– Так я и есть тот самый монах, – просто ответил Василий.

При этих его словах Стинов не смог сдержать насмешливой ухмылки.

– Кончай сказки-то рассказывать, – сказал он. – Староват ты для того, чтобы с комендантами драться.

– Внешность бывает обманчивой. Я не на много старше тебя. А это, – Василий пальцем коснулся щеки, – результат пластической хирургии.

– Обычно пластическая хирургия используется в прямо противоположных целях, – заметил Стинов.

– Обычно да, – согласился Василий. – Но герениты используют ее и для того, чтобы молодой человек выглядел стариком. На старика меньше обращают внимания, не считая его за достойного соперника.

– Допустим, что это так, – кивнул Стинов. – Но тем не менее почему ты спас меня?

– Ты представляешь интерес для Ордена геренитов.

– А, так ты простой миссионер. – Несколько успокоившись, Стинов снова принялся за пиво и сэндвичи. – С этого надо было и начинать. Только, скажу я тебе, напрасно ты сделал на меня ставку. Я не собираюсь присоединяться к вашему братству.

– Я не миссионер и не проповедник, – покачал головой Василий. – Меня интересуешь только ты.

– И чем же я заслужил подобное внимание?

– Я пока и сам не уверен, что ты именно тот человек, который мне нужен, – ответил Василий. – Но тебя указало мне Провидение.

– Наверное, оно ошиблось, – усмехнулся Стинов. – Со всяким случается. Даже с Провидением.

– Не исключено, – не стал спорить Василий. – Но тем не менее я буду всюду следовать за тобой, пока не удостоверюсь, прав я или ошибся.

– Что же ты не помог, когда меня схватили коменданты? – насмешливо поинтересовался Стинов.

– Нужно было дать тебе возможность самому проявить инициативу, – ответил монах. – И, как видишь, у тебя все получилось. Если бы потребовалось, я вытащил бы тебя и из комендатуры.

– У тебя имеются связи?

– У меня имеется кое-что здесь, – монах пальцем коснулся лба.

– Что нужно от меня Ордену? – отставив кружку в сторону и наклонившись вперед, серьезно спросил Стинов. – Давай покончим с этим делом раз и навсегда. Я не хочу, чтобы за мной по пятам постоянно ходил соглядатай.

– Боюсь, что вот так сразу мы ничего не решим, – с сомнением качнул головой Василий.

– Давай хотя бы попробуем. Что нашептало тебе обо мне Провидение?

– Ты неплохо расправился как с противником в секторе Ломоносова, так и с комендантами в жилом секторе. Ты не можешь мне сказать, где ты научился так здорово драться?

– Нет, – покачал головой Стинов. – Для меня самого это загадка. Должно быть, в стрессовой ситуации проявили себя скрытые возможности организма.

– Возможно, стресс и сыграл свою роль, придав тебе прыти. Но сами навыки, они-то не могли возникнуть из ничего. Откуда ты знаешь, как правильно держать в руке дубинку? Как ею защищаться и наносить удар? Кто тебя этому научил?

Стинов отхлебнул пива и безразлично пожал плечами.

– Не знаю. Само собой все как-то получается.

– И ты сам в это веришь?

– А у тебя имеется другое объяснение?

Монах с лицом старика провел пальцем по столу, словно хотел изобразить какой-то магический знак.

– Скажем так – я пытаюсь его найти.

– А что говорит на этот счет Провидение? – усмехнулся Стинов.

– Дело не в Провидении, а в тебе самом.

То, как он произнес эти слова – словно бы сомневаясь, стоит ли их вообще говорить, – навело Стинова на мысль, что монах знает больше, чем говорит.

– Ну так что тебе сообщило Провидение? – небрежно поинтересовался Стинов, старательно делая вид, что оставшееся на дне кружки пиво интересует его гораздо больше, чем ответ монаха.

– В тебе заложены способности, о которых ты пока еще и сам не подозреваешь, – сказал Василий.

– Я всегда считал, что руководство не в достаточной мере ценит меня, – продолжая ухмыляться, прокомментировал его слова Стинов. – Если Орден геренитов желает использовать мои выдающиеся способности, то я хотел бы узнать, сколько мне с этого перепадет?

– Об этом рано говорить.

– Не упустите свой шанс, – подмигнул монаху Стинов. – Мне сегодня уже предложили очень неплохое место.

– Об этом я с тобой как раз и собирался поговорить.

– Я весь внимание.

– Ты глубоко ошибаешься, если считаешь, что все твои невзгоды миновали и впереди тебя ожидает только покой и благоденствие. Ты влип в паутину, из которой не так-то просто выпутаться, – ты стал ненужным свидетелем для двух самых крупных отделов.

– Почему же в таком случае я до сих пор жив? – недоверчиво прищурился Стинов.

– В зоне Информационного отдела ты проживешь ровно столько, сколько будет нужно тем, кто тебя контролирует.

– Меня никто не контролирует, – возразил Стинов. – Мне предоставлена полная свобода действий.

– Снова ошибаешься, – сказал Василий. – Если у тебя есть удостоверение личности и кредитная карточка, это еще не означает, что ты полностью свободен. Исчезнут документы – не станет и человека.

– То же самое можно сказать про каждого, – беззаботно махнул рукой Стинов.

– Я бы мог предложить тебе укрыться в секторе Паскаля, контролируемом Орденом геренитов.

– Мне не от кого прятаться, – возразил ему Стинов.

– Я знал, что именно так ты и ответишь, – кивнул монах. – Но, когда огонь начнет лизать тебе пятки, вспомни о моем предложении.

– Непременно, – усмехнулся Стинов и, отсалютовав монаху кружкой, допил то, что в ней оставалось.

– А пока я хочу просто предостеречь тебя, – сказал Василий. – Не доверяй никому, кто тебя окружает. В особенности остерегайся шефа службы безопасности Информационного отдела Гетри Стояновича...

– С ним я уже успел познакомиться, – вставил Стинов.

– Стоянович работает грубо, но при этом имеет привычку не оставлять после себя следов, – не обращая внимания на реплику Стинова, продолжал монах. – Он попытается убрать тебя при первой же возможности. То, что тебя взял под опеку Шалиев, вовсе не облегчает твоего положения. Стоянович и Шалиев ненавидят друг друга и, не упуская случая, устраивают друг другу мелкие пакости. Чтобы укрыться от Стояновича, старайся держаться поближе к

Шалиеву. Но и с ним соблюдай осторожность. Шалиев ничего не делает просто так. И если он заинтересовался тобой, следовательно, собирается как-то тебя использовать.

– Каким образом? – живо заинтересовался такой возможностью Сتيнов. – Он оценил мои способности так же высоко, как и монахи? Честно говоря, я и сам был бы не прочь работать с первым помощником руководителя Информационного отдела.

– Смотри только, не окажись для него одноразовым носовым платком, – без тени улыбки предостерег Василий.

– Ладно, – Сتيнов отодвинул в сторону пустую кружку. – Поговорили – и будет.

Поднявшись из-за стола, Игорь оперся руками о стол и, наклонившись к монаху, тихо произнес:

– Не стоит больше ходить за мной по пятам. Забудь обо мне. У меня теперь новая жизнь. Я стал другим человеком. Прежнего Сتيнова больше не существует.

Взмахнув рукой перед лицом монаха, он развернулся и направился к выходу.

Монах смотрел Сتيнову вслед, до тех пор пока за ним не захлопнулась стеклянная дверь.

– Нет, ты пока еще не стал другим человеком, – печально покачал он головой.

Когда Сتيнов вернулся домой, там его ожидал еще один сюрприз. На двери его комнаты висела записка: «Загляни к соседу».

Заинтригованный, Сتيнов кинул сумку в комнату и постучал в соседнюю дверь.

– Заходи, – ответил из-за двери негромкий голос, показавшийся Сتيнову знакомым.

Стинов приоткрыл дверь. На кровати, опираясь спиной на высоко поднятую подушку, сидел Петр Медлев с плотно перебинтованной шеей.

– Вот это да! – удивленно произнес Сتيнов, заходя в комнату. – Выходит, ты теперь мой сосед?

– А ты не рад? – улыбнулся Медлев.

– Смотря с какой стороны посмотреть, – ответил, присаживаясь на стул, Сتيнов. – Ты же не хочешь убедить меня в том, что мы оказались соседями по чистой случайности?

Медлев обескураженно развел руками.

– Вообще-то именно так я и должен поступить.

– И кто же тебя приставил ко мне? Шалиев или Стоянович?

– Догадайся сам. Мне не положено разглашать служебные тайны.

– Понятно, – кивнул Сتيнов и перевел разговор на другую тему: – Как твоя рана?

– Заживает, – Медлев осторожно провел пальцами по забинтованной шее. – В госпитале только наложили швы и сразу же выставили меня за дверь. Мне теперь полагается двухнедельный оплачиваемый отпуск для поправки здоровья. – Сделав паузу, Медлев посмотрел Сتيнову в глаза. – Я теперь твой должник.

– Пустое, – махнул рукой Сتيнов.

Медлев не стал изливать на него потоки благодарности, но и без того было ясно, что он высоко ценит то, что сделал для него Сتيнов, и при случае готов отплатить ему тем же.

– Ну а у тебя-то самого как дела? – спросил Медлев.

Игорь с готовностью принялся пересказывать Медлеву события последних двух дней, опустив только встречу с монахом.

К удивлению Сتيнова, выслушав его, Медлев не выказал особой радости за своего подопечного, а даже, скорее, наоборот, несколько помрачнел.

– Шалиев занимает слишком высокий пост, для того чтобы заниматься делами мигрантов. Для этого существует специальная служба.

– Возможно, я чем-то заинтересовал Шалиева, – предположил Сتيнов.

– Скорее всего так оно и есть, – кивнул Медлев. – Только на твоём месте я не стал бы этому радоваться. Если Шалиев что-то делает, то делает он это не просто так, а с какой-то определенной целью.

За сегодняшний день Сتيнов слышал это уже во второй раз. Если к словам монаха можно было отнестись со значительной долей скептицизма, то к тому, что говорил Медлев, нельзя было не прислушаться. Хотя, с другой стороны, работая на Стояновича, Медлев мог получить задание намеренно вызвать у Сتيнова недоверие в отношении Шалиева. Но Сتيнову почему-то казалось, или же просто хотелось верить, что Медлев говорит то, что думает.

– Я не знаю, что нужно от меня Шалиеву, – безнадежно всплеснул руками Сتيнов. – Но податься-то мне все равно больше некуда.

– Это верно, – согласился Медлев.

– Кроме того, как мне показалось, ко мне не испытывает особой любви твой шеф Стоянович...

Стинов быстро взглянул на Медлева и тут же отвел глаза в сторону.

Медлев какое-то время молчал. Затем он тяжело вздохнул и медленно произнес:

– То, что я сейчас тебе скажу, я больше никогда не стану повторять. У Стояновича нет никаких личных чувств к тебе. Ты для него просто отработанный материал. Он не перерезал тебе горло в секторе Ломоносова только потому, что ребята, видевшие, как ты спас меня, не поняли и не одобрили бы этого. Шалиев имеет возможность прикрыть тебя от Стояновича. Пока ты рядом с ним, ты вне опасности. Но как только ты станешь ему не нужен, он сам отдаст тебя Стояновичу. Теперь пораскинь мозгами и сам реши, как следует себя вести, чтобы чувствовать себя в безопасности. И помни, единственный просчет может стоить тебе жизни.

– Спасибо.

И даже ни намек на иронию – все было слишком серьезно.

Глава 6

Люди и клоны

Овощная плантация была разбита на участки, на каждом из которых овощи находились на разных стадиях созревания. Помимо помощников управляющего, в секторе работали еще двенадцать специалистов-агротехников. Охрана у лифтов, сменяющаяся каждый день, относилась к ведомству Стояновича. Каждое утро агротехники выдавали список необходимых работ, а помощники управляющего выводили клонов на поля и следили за тем, как они выполняют поставленную перед ними задачу.

Приступив к работе на плантации, Сتيнов вскоре понял, что Шалиев направил его на работу в сельскохозяйственную зону, для того чтобы это давало возможность контролировать каждый его шаг. Сельскохозяйственная зона относилась к режимным объектам, и работающие в ней люди находились под постоянным наблюдением. Отправляясь утром на работу и возвращаясь вечером домой, Сتيнов должен был сделать отметку в памяти закрытого канала инфо-сети. Даже уходя на прогулку в нерабочее время, он должен был оставить в памяти инфо-сети свой примерный маршрут и предполагаемое время возвращения.

Новый знакомый Сتيнова, работавший с ним в паре помощник управляющего по имени Деррик Джана, рассказал, что как-то раз в начале своей работы на плантации, не придав большого значения отметкам в памяти инфо-сети, он дольше запланированного задержался в гостях. Ровно час спустя после времени, когда он должен был вернуться домой, в гости к приятелю, у которого он находился, нагрянул еще и патруль службы безопасности. Проверив документы у всех присутствующих и убедившись, что Джана именно тот, за кого себя выдает, они извинились и ушли. Но на следующий день Джана получил от управляющего разнос по полной программе, и с тех пор у него вошло в привычку возвращаться домой точно к указанному сроку.

Кто обладает информацией, тот держит власть в своих руках. Оказавшись в сфере влияния Информационного отдела, Сتيнов то и дело имел возможность лишний раз убедиться в том, что так оно и есть. Каждый работник плантации давал подписку о неразглашении любых сведений, связанных с выполняемой им работой. И это была отнюдь не простая формальность. Помимо того что, обладая монополией на поставку как натуральных, так и биотехнологических продуктов питания, Информационный отдел зарабатывал на этом огромные деньги, одно лишь руководство отдела имело достоверные сведения о резервах продовольствия, находящихся в их распоряжении. Полностью прекратить поставки продовольствия тому или иному сектору Информационный отдел не имел права по соглашению с Советом сохранения стабильности, однако, сославшись на неурожай или нарушение в режиме работы одного из биореакторов, производящих синтетические белки, он мог легко урезать нормы до минимума, наказывая тем самым неугодные ему отделы.

Строго засекреченным было и воспроизводство клонов, также находящееся в ведении информанников. Совет настоятельно требовал, чтобы численность клонов поддерживалась на неизменном уровне, не превышающем тот, что был необходим для выполнения сельскохозяйственных работ, но, сколько их было на самом деле, знало опять-таки только руководство Информационного отдела.

Работа с клонами была несложной, но требовала определенных навыков. Существовала несложная система словесных кодов и команд, с помощью которых можно было заставить их исполнять ту или иную работу, навыки которой закладывались в сознание клона еще до момента его появления на свет.

СТИНОВУ нравилось ощущать себя полновластным хозяином команды клонов, беспрекословно выполняющих любой его приказ. Но в то же самое время он испытывал жалость к этим большим и сильным, но совершенно безвольным существам, не приспособленным к самостоятельной жизни, а потому вынужденным влачить жалкое, полурабское существование.

– А если приказать клону умереть? – как-то в шутку спросил у своего напарника СТИНОВ. – Он и такую команду выполнит?

– Конечно, если ввести предварительно соответствующий код, – ответил ДЕРРИК. – Такой код существует. На случай непредвиденных обстоятельств он хранится в памяти персональных записных книжек всех, кто работает с клонами. – ДЖАНА достал из нагрудного кармана голубой форменной куртки СТИНОВА и снова сунул на место серый пластиковый пенал. – Вместе со списком необходимых для работы команд только в закодированном файле. Пароль файла меняется каждый день. Если ты попытаешься вскрыть файл без согласования со службой безопасности, то просто уничтожишь все данные в записной книжке.

– Бедняги, – взглянув на работающих клонов, с едва заметным сочувствием произнес СТИНОВ и кинул в рот пастилку эфимера.

Пережевывая ее, СТИНОВ с интересом наблюдал за тем, как, простимулированные его воображением, начинают тянуться вверх молодые зеленые побеги растущих на грядках помидоров, превращаясь в толстые переплетающиеся ветви лиан первозданных джунглей. Клоны становились похожими на многоруких великанов, продирающихся сквозь заросли, кишася злобными, ядовитыми тварями, для того чтобы торжественно, с благоговением возложить принесенные дары к ногам своего всемогущего бога, с милостивой и всепрощающей ухмылкой на губах жующего галлюциногенную пастилку.

СТИНОВУ нравилось выпускать на свободу образы, но только в такой степени, чтобы всегда иметь возможность вернуться к реальности.

– Не надоело тебе жевать эту мерзость? – неприятно поморщился ДЖАНА.

– А что? Я принимаю только разрешенную форму эфимера.

СТИНОВ был настроен благодушно и миролюбиво. Пастилка, что жевал, была уже четвертой с утра, и ощущение легкости во всем теле, готовом, казалось, в любую секунду оторваться от пола и воспарить к потолку, не оставляло его ни на минуту. На его кредитной карточке значилась сумма, имея которую можно было позволить себе не думать о том, как растянуть упаковку эфимера на неделю.

– Эфимер превращает мозги в желе, – сказал ДЖАНА, почти не скрывая презрения.

– Его для того и выпускают, чтобы помочь людям адаптироваться к существованию в замкнутом пространстве, когда невозможно свободно вытянуть руку, чтобы не зацепить кого-нибудь за плечо, – возразил СТИНОВ. – Без него мы превратились бы в толпу невротиков.

– Девяносто процентов жителей Сферы могут свободно отказаться от эфимера, не опасаясь никаких последствий, – усмехнулся ДЖАНА. – Попробуй как-нибудь, и увидишь, что ничего страшного не произойдет. Если же тебе действительно необходима адаптация, могу дать код файла в закрытом канале инфо-сети, где ты найдешь специально разработанную для этого программу психологического тренинга.

– Эти данные засекречены? – удивился СТИНОВ.

– Конечно. Любая информация представляет собой ценность только до тех пор, пока не сделалась всеобщим достоянием. К тому же люди, употребляющие эфимер, отличаются повышенной внушаемостью, что только на руку тем, кто хочет ими управлять. Подумай об этом, когда захочешь в следующий раз пожевать.

СТИНОВ кивнул, хотя и не очень-то уверенно.

Неподалеку от них на коленях ползал клон, что-то выбирая среди корней помидорного куста. На его гладкой, блестящей от пота лысине отсвечивали блики расположенных под потолком софитов.

– Почему все клоны лылые? – спросил, поправляя солнцезащитные очки, Стинов.

– Это заложено в их генетическом коде. Волосы создают лишние проблемы с личной гигиеной. К тому же лылого клона легко отличить от человека.

– Достаточно посмотреть на его лицо, чтобы узнать клона. Оно же словно высечено из камня.

– У клонов, которых ты постоянно видишь вокруг себя, не задействована программа воспроизведения эмоций, – с чувством собственного превосходства улыбнулся Джана.

О клонах он знал много и, что особенно нравилось в нем Стинову, любил демонстрировать свою осведомленность.

– То есть ты хочешь сказать, что вот этот клон, который копается в земле, переживает сейчас в душе какие-то чувства, а мы просто ничего не знаем о них, потому что он не может выразить их посредством мимики? – удивленно спросил Стинов.

Джана озадаченно посмотрел на клона.

– Честно говоря, я об этом никогда не задумывался, – признался он. – Я знаю, что в памяти клонов с рождения заложено огромное число разнообразных программ, запускаемых определенными кодовыми словами. Среди них есть и программа воспроизведения эмоций. Но что происходит в то время, когда она отключена?.. – Джана пожал плечами. – Может быть, в это время клон просто не испытывает никаких чувств?

– А какие-нибудь другие работы, кроме полевых, клоны выполняют? – повернул разговор несколько в иную сторону Стинов.

– Бермеру с трудом удалось добиться согласия Совета на использование клонов даже на сельскохозяйственных работах, хотя здесь, казалось бы, выгода налицо – вся Сфера теперь дополнительно получает натуральные продукты. Существует программа более широкого использования клонов, но у нее масса противников. Например, представитель Производственного отдела встал на дыбы, когда Бермер предложил Совету использовать клонов на вредных и опасных участках производства. Он заявил, что таким образом Информационный отдел пытается реализовать свои экспансионистские устремления. Может быть, в чем-то он и прав, но, спрашивается, кому будет хуже, если с конвейеров станут сходить более дешевые и качественные изделия? – Джана многозначительно развел руками. – Кроме того, объявились еще и борцы за права клонов. Они считают, что использование бесплатного труда клонов возвращает нас к временам рабства. – Деррик усмехнулся. – Интересно, если бы клонам платили за их труд, что бы они делали с деньгами? Они же живут на всем готовом и, по-моему, вполне этим довольны. Недавно на соседнюю плантацию, где выращивается картофель, каким-то образом пробрались трое иксайтов.

– Борцы за возвращение на Землю?

– Они самые. Пытаются всех убедить, что жизнь на отравленной Земле будет прекрасной, и одновременно с этим гадят, где только могут, стараясь сделать жизнь в Сфере совершенно невыносимой. Обычно иксайты используют террористические методы. А эти трое обрили головы и, выдавая себя за клонов, попытались вести среди них пропагандистскую работу. Надо же, до чего додумались! Хотели призвать их к восстанию, чтобы скинуть ненавистное рабское ярмо! Как тебе это нравится?

– Глупо, – подумав, ответил Стинов.

– Глупее и не придумаешь!

– И что с ними стало после этого?

– Да разве можно заставить клона что-то делать, не зная кода!

– Я имею в виду иксайтов.

– Официальные представители иксайтов, конечно же, от всего откристились, как и от остальных своих выходов. А что стало с тремя бритоголовыми, не знаю. Их передали службе безопасности.

Вслух Стинов ничего не сказал, но про себя подумал, что Стоянович этих троих иксайтов, так же, как и комендантов из сектора Ломоносова, легко, особенно не задумываясь, мог списать на бешеных.

– А существуют женщины-клоны? – спросил Стинов.

– Не хватало только, чтобы клоны начали самостоятельно размножаться, – фыркнул Джана. – Клоны имеют мужские половые признаки, но, по сути, они бесполо и не способны к размножению. Поэтому и женщины им ни к чему.

– Наверное, много средств уходит на то, чтобы вырастить взрослого клона.

– Первые созданные клоны развивались так же, как и обычные люди. Но позднее в генетический код клонов были внесены существенные изменения, корректирующие работу внутренних органов и биохимических систем организма. Теперь развитие зародыша происходит в искусственной среде всего за два месяца. И примерно за три года после так называемого рождения клоны достигают требуемой для работы физической формы. Но при этом и продолжительность их жизни не превышает тридцати лет.

Действие принятого Стиновым эфимера начало ослабевать. Он почувствовал усталость и странную, беспричинную тоску. Игорь посмотрел на часы. Через пятнадцать минут можно было начинать собирать клонов с полей и отправлять в бараки, служившие им жильем, в каждый из которых загонялось по двадцать пять особей этих так похожих на людей существ. Стинову уже не хотелось продолжать разговор о клонах, но Джана пока еще не считал тему исчерпанной.

– Как-то раз мне попался в инфо-сети нелегальный файл. Его, должно быть, запустили туда иксайты. По крайней мере стиль изложения вполне им соответствовал. В нем шла речь о том, что в свое время на Земле люди отказались даже от использования труда животных, а мы, представляющие собой цвет человечества, поскольку наши предки были специально отобраны для выполнения высокой миссии, дошли до того, что выращиваем особую расу людей, предназначенных для рабского труда. Что ты об этом думаешь?

– Не знаю, – подумав, пожал плечами Стинов. – Возможно, тот, кто написал это воззвание, в чем-то и прав. Мы ведь, действительно, уже забыли о тех, кто создавал Сферу стабильности, и то, ради чего они это делали.

– Ты хотел бы вернуться на Землю? – удивленно вскинул брови Джана.

– Как я могу этого хотеть, если даже не представляю себе, что такое Земля? – вопросом на вопрос ответил Стинов. – Одни говорят, что там нас ждут не дождутся райские кущи, другие утверждают, что Земля – это радиоактивная пустыня. Кому верить?

– Я, например, не верю никому, – сказал Джана. – Просто предпочитаю не думать об этом. Для меня Земли не существует. Единственная реальность – это Сфера.

– То же самое утверждают и братья-герениты, – заметил Стинов.

– Не лови меня на слове, – улыбнувшись, нацелил на Стинова указательный палец Джана. – Они сделали из этого культ, а я – философию. К тому же я начал с вопроса не о Земле, а о твоём отношении к проблеме клонов.

– Не могу сказать на этот счет ничего определенного, – ответил Стинов. – Я работаю с клонами всего несколько дней. Ты знаешь о них гораздо больше. Может быть, мы действительно поступаем по отношению к ним негуманно?

– Негуманно? А что значит относиться гуманно к клонам? Предоставить им равные с людьми права? Зачем им это? Мы ведь не принуждаем их ни к чему противоестественному. Работа составляет для них смысл жизни.

– Конечно, – согласился Стинов, потому что спорить ему не хотелось. – Но, лишив клонов свободы и воли, мы просто не оставили им выбора.

– Ты испытываешь к ним жалость? – удивленно спросил Джана.

– Пожалуй, что нет, – подумав, ответил Стинов. – Я просто пытаюсь представить, как бы я поступил, узнай однажды, что любой из окружающих меня людей может дать команду, которая заставит меня умереть. Наверное, не дожидаясь этой команды, я сам начал бы убивать каждого, в ком мог заподозрить врага.

– Ну, знаешь... – Не находя слов, Джана развел руки в стороны. – Кончай жевать эфимер, он тебя до добра не доведет.

– Эфимер здесь ни при чем, – Стинов снова взглянул на часы. – Пора собирать клонов. Сегодня они свое отработали.

Вторую неделю Шалиев не давал о себе знать, и это начинало слегка беспокоить Стинова. Он ни на секунду не забывал о том, что Шалиев является гарантом его безопасности, а потому хотел хотя бы время от времени получать подтверждения того, что о нем не забыли. Шалиев оставил Стинову свой код вызова через инфо-сеть и предложил обращаться по любому вопросу, но пока надлежащего повода для этого не было. Позвонить же первому помощнику руководителя отдела только для того, чтобы напомнить о себе, Стинов считал неуместным.

Игорь постоянно думал над тем, как дать знать о себе первому помощнику руководителя отдела. Вряд ли Шалиев следит за его трудовыми успехами, поэтому проявлять особое служебное рвение скорее всего не имело смысла. А отличиться в чем-то другом у Стинова просто не было возможности, поскольку все свое время он проводил только на плантации и дома.

Какое-то время Стинов подумывал о том, чтобы рассказать Шалиеву о преследующем его монахе-герените. Но, тщательно все взвесив, решил, что подобная информация, выданная к тому же со значительным запозданием, не пойдет ему на пользу.

Если бы представилась такая возможность, Стинов готов был сам создать чрезвычайную ситуацию, которая дала бы ему возможность как-то проявить себя и снова оказаться в поле зрения Шалиева. Но спокойный, размеренный ритм работы на плантации не давал ему на это ни малейшего шанса.

Под вечер, возвращаясь с плантации домой, Стинов обычно заглядывал к Медлеву. Поскольку у обоих не было поводов вспоминать о том, что Медлев появился в секции для того, чтобы присматривать за соседом, между ними быстро установились непринужденные приятельские отношения. По крайней мере внешне все именно так и выглядело. Частенько, захватив по дороге домой пиво для себя и джин с тоником для соседа, Стинов проводил весь вечер в комнате Медлева, от которого, если только удавалось его разговорить, можно было узнать не меньше интересного, чем от Джана.

Медлев, как и обещал, никогда более не касался в разговоре тем, имеющих отношение к его нынешней работе. Но и без того им со Стиновым было о чем поговорить. То, что характеры двух молодых людей были абсолютно не схожими, только усиливало их взаимный интерес друг к другу.

Медлев принадлежал к тому, всегда удивлявшему Стинова типу людей, у которых вся жизнь была связана только с работой. Общаясь с такими, Стинов нередко задавал себе вопрос, чем они занимались, когда были детьми? Неужели даже тогда они только и думали о том, как бы сделать что-нибудь полезное и нужное обществу?

Одним из увлечений Медлева были шахматы. На протяжении нескольких лет передвигая каждый вечер фигуры на пару с компьютером, он вскоре научился угадывать каждый ход своего противника, и игра с электронным соперником потеряла для Медлева всякий интерес. Заполучив в свое распоряжение Стинова, он первым делом усадил его за нарисованную на моноэкране шахматную доску. Заверения Стинова, что все его познания в древней игре ограничиваются только тем, какая фигура как ходит, а сидел он за шахматной доской в последний раз, когда учился в общеобразовательном классе, не возымели ожидаемого действия. Медлев хотел сразиться с новым противником, и он своего добился.

Но едва только Стинов начал передвигать фигуры по клеткам, он понял, что выиграет у Медлева. И поставил ему мат на тридцать втором ходу.

– Играть, значит, не умеешь, – язвительно процедил сквозь зубы Медлев, возвращая фигуры в исходную позицию.

Изображая недоумение, Стинов опустил уголки губ и развел руками.

Они сыграли еще раз, и Стинов снова победил. Медлев откровенно расстроился, и третью партию Стинов ему сдал, хотя мог бы без труда выиграть и ее. В процессе игры ему не нужно было даже следить за развитием ситуации на шахматной доске или анализировать ходы противника. Он просто знал, куда и какую фигуру нужно было передвинуть, хотя и не всегда понимал, для чего это нужно.

Таким образом снова напомнил о себе участок сознания, скрытый в глубинах его мозга и прежде проявлявший себя только в критические моменты. Выходило, что та часть его сознания, о существовании которой Стинов до некоторых пор даже не подозревал, знакома не только с техникой рукопашного боя, но и прекрасно разбирается в тонкостях шахматной игры. Что еще? Какие еще сюрпризы способна она преподнести? И самое главное – откуда это в нем?

Никаких догадок или предположений на этот счет у Стинова не было. Если, конечно, не брать в расчет туманных слов монаха Василия о Провидении. Судя по всему, монаху действительно было что-то известно, но религиозного тумана в его голове и речах было больше, чем фактической информации на эту тему.

Каждый раз, выигрывая у Медлева партию или сдавая заведомо выигрышную позицию, Стинов испытывал будоражащее, восторженное, но одновременно и несколько жутковатое, по причине неопознанности своей природы, чувство уверенности и превосходства.

– Как дела, страдающий? – весело спросил Стинов, войдя в комнату Медлева.

– Кисну от безделья, – ответил Петр, поднимаясь с постели.

Стинов поставил на стол принесенные с собой банки с напитками и картонную коробку с сэндвичами из закуской «Зеленый Дракон».

– Ужинал? – спросил он.

– Да, выходил перекусить. Только аппетита не было.

– Что-то ты бледный сегодня.

– Будешь бледным, если целый день валяться на постели, – тоскливо вздохнул Медлев. – Зашел сегодня в тренировочный зал, так свои же ребята меня оттуда и выгнали. Сказали, что врач не велел меня туда пускать до полного выздоровления.

– Правильно сделал, – одобрил действия врача Стинов.

– Я что, похож на умирающего?

Стинов оценивающе посмотрел на приятеля.

– Нет, выглядишь ты вполне прилично. Но швы тебе пока еще не сняли.

– Много понимают эти врачи, – махнул рукой Медлев и, дернув за кольцо, распечатал банку с легкой алкогольной смесью.

Стинов открыл себе банку пива и выбрал из коробки сэндвич с рыбой. В «Зеленом Драконе» ему сказали, что это филе тунца. Но откуда было взяться настоящему тунцу в Сфере? Одно название от него осталось. Впрочем, бутерброд оказался совсем недурен на вкус.

– Какие новости? – задал вопрос Стинов, перед тем как приняться за следующий сэндвич.

– Канал комендантов о происшествии в секторе Ломоносова по-прежнему молчит. Что и понятно, – сказал Медлев. – Хотя они уже должны были отыскать своих покойников.

– Кстати, давно собирался спросить, а как поступили с погибшими информационниками? – отложив так и не начатый бутерброд, спросил Стинов.

– Как и со всеми мертвыми, – равнодушно пожав плечами, ответил Медлев. – Отправили в молекулярный распылитель.

– А что сказали семьям?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.